

ЭНДРЮ ФУКУДА

ДОБЫЧА

«ЭТО КАК "ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ"...
НО НАМНОГО МРАЧНЕЕ».

amazon.com

Охота

Эндрю Фукуда

Добыча

«Mainstream (ACT)»

2013

Фукуда Э.

Добыча / Э. Фукуда — «Mainstream (АСТ)», 2013 — (Охота)

Джину всего семнадцать, но он уже узнал, что такое любовь, потеря и надежда. Он научился выживать среди вампиров и обнаружил, что в его собственной семье гораздо больше тайн, чем он думал. Спасаясь с друзьями от погони, он стремится найти землю обетованную, где все они будут в безопасности. Но чем темнее ночь, чем быстрее охотники, тем чаще Джин задает себе вопрос: а что если новый мир, который он ищет, так же враждебен, как и тот, откуда он бежал? С каждым прожитым часом, Джин и его подруга все яснее понимают, что спасение заключено в них самих.

© Фукуда Э., 2013

© Mainstream (АСТ), 2013

Содержание

1	6
2	8
3	16
4	19
5	27
6	28
7	32
8	33
9	37
10	40
11	42
12	44
13	45
14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эндрю Фукуда Добыча

Andrew Fukuda
The Prey

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management и Synopsis

© Andrew Fukuda, 2013
© А. Скибина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящаю Оба-тян¹

---

¹ Obaachan – бабушка (яп.).

1

Мы думали, что наконец избавились от них. Мы ошиблись.

Этой ночью они приходят за нами.

Бегущую стаю слышно всего за несколько минут до того, как она оказывается на берегу. Резкие вопли прорезают ночную тьму осколками стекла. Лошадь с раздувающимися ноздрями и закатившимися от ужаса глазами уносится в ночь. Какое-то время в темноте виднеются белки глаз, яркие, как две странные луны. Мы – шестеро – хватаем сумки и на подгибающихся ногах бежим к лодке. Узлы, которыми она привязана, туго затянулись, и трясущимся рукам никак не удается их распутать. Бен пытается подавить испуганные всхлипы, Эпаф стоит в лодке, окаменев от ужаса, и прислушивается к доносящемуся из темноты шуму. Его волосы торчат в разные стороны, растрепавшись после сна, в который ему так и не удалось погрузиться.

Сисси отчаянно рубит веревки, орудуя ножом все быстрее и быстрее, так что искры летят. Неожиданно она застывает, не успев опустить нож, и смотрит вдаль. Вот они – десять серебряных точек, несущихся к нам по полю вдалеке, – скрываются за холмом невдалеке, и мне кажется, что волосы на шее превратились в сосульки и ломаются на ветру.

Вот они снова появляются, как десять капелек ртути, катящихся с неуклонной целеустремленностью. *Серебряные точки, капельки ртути* – я просто пытаюсь выразить этот ужас невинными словами, как будто это украшения. Но это люди. Это охотники. Они идут, чтобы вонзить клыки в мою плоть, чтобы растерзать меня и жадно съесть целиком. Я хватаю младших мальчиков и забрасываю в лодку. Сисси рубит последний узел, стараясь не прислушиваться к доносящимся воплям, булькающим от заливающей рты слюны. Я хватаю шест, готовясь отталкиваться от берега, как только Сисси расправится с канатом. Она наконец его побеждает, едва ли не в последнюю секунду, и я толкаю лодку от берега. Сисси запрыгивает на борт. Течение подхватывает нас и уносит к середине реки. Охотники толпятся на берегу – десять бугрящихся мышцами обнаженных тел, – но я не узнаю никого из них: ни Алые Губы, ни Пресс, ни Тощий, ни Директор до нас не добрались. Однако возбуждение в их глазах мне знакомо. Это страсть, которая сильнее похоти, сильнее любых других желаний: разорвать и поглотить плоть и кровь гепера. Трое охотников, не в силах сдерживаться, прыгают в реку в бесплодной попытке добраться до нас. Их головы пару раз показываются над поверхностью воды, и они уходят на дно.

Несколько часов остальные охотники следуют за нами по берегу. Мы стараемся не смотреть на них, не отводя глаз от поверхности реки и досок палубы. Но от их криков, полных злобы и острого отчаяния, никуда не деться. Мальчики из Купола – Бен, Дэвид, Джейкоб и Эпаф – оставшуюся часть ночи проводят в каюте. Мы с Сисси стоим у кормы и длинными шестами правим лодкой, не давая ей подойти к берегу. Светает, и затянутое облаками небо постепенно светлеет. Охотники, вместо того чтобы слабеть с приближением восхода – а с ним и неизбежной смерти, – кричат все громче, со все большей яростью.

Солнце медленно встает и заливают все тусклым светом сквозь темные облака. Тучи не дают ему жечь в полную силу, так что охотники умирают страшной, медленной смертью. Проходит час, прежде чем затихает последний хлюпающий вопль, и мы перестаем видеть их, слышать их, обонять запах горящей плоти.

Сисси впервые за несколько часов нарушает тишину:

– Я думала, мы уже достаточно далеко. Думала, мы больше их не увидим. – Еще только утро, а ее голос уже звучит уставшим.

– Было солнечно, – говорю я. – До вчерашней бури. Дождь и облака закрыли солнце и позволили охотникам выйти задолго до заката. Поэтому они добрались до нас.

Сисси стискивает зубы.

– Надо, чтобы сегодня не было дождя, – говорит она и уходит в каюту посмотреть на ребят.

Река настойчиво и быстро несет нас вперед. Я смотрю вдаль, туда, где вода исчезает в темноте. Не знаю, что ждет нас дальше, не знаю, что делать и о чем думать. Неизвестность. На лоб падает капля, за ней еще одна и еще, вода стекает мне на шею, струи выются по рукам, как выступающие вены. Я поднимаю глаза. Черные вспухшие облака медленно движутся над нами и проливаются дождем, который падает темными косыми полосами. Небо как будто закрыла огромная стая ворон.

Охота только началась. Она никогда не закончится.

2

Мы сидим в каюте, прижавшись друг к другу, стараясь не попасть под дождь. Промокшая одежда прилипает к нашим худым телам, как пятнистая, морщинистая кожа рептилии. Время от времени кто-нибудь – движимый голодом или иррациональной надеждой, – открывает сумку для еды и обнаруживает (снова), что она пуста. Ягоды и жареное мясо луговой собачки мы уже давно съели.

Сильный дождь ускорил течение реки. Смены рулевых – которые теперь быстрее выбиваются из сил, – стали короче. После обеда у руля оказываемся я и Сисси. Два часа, и мы совершенно обессилены. Мы валимся на пол в каюте, наше место занимают Эпаф с Джейкобом.

Я вымотан, но уснуть не могу. Над рекой дует ветер, волнуя и без того изрытую оспинами от падающего дождя воду. Я тру лицо, стараясь немного разогреть щеки. Напротив меня лежит Сисси, свернувшись на боку и пристроив голову на ладонях. Лицо ее выглядит спокойным и расслабленным.

– Ты уже минут пять на меня смотришь, – говорит она, не открывая глаз. Я вздрагиваю, и она слегка улыбается: – В следующий раз просто разбуди меня, а то прожжешь взглядом стену.

Я почесываю запястье.

Она медленно открывает глаза и садится. Густые темные волосы падают ей на лицо в таком же беспорядке, в каком оказывается одеяло, которым она осторожно накрывает храпящего рядом Бена. Сисси потягивается, поднимая руки и выгибая спину, и, спотыкаясь о груды дров, которую мы принесли на борт, идет ко мне.

– Течение что-то сильное, – говорю я. – Я беспокоюсь.

– Может быть, оно и к лучшему. Так нас унесет дальше от них.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как мы сбежали из Института геперов. Нас преследует стая, жаждущая растерзать нас, поглотить нашу плоть и кровь. Сотни гостей, собравшихся в Институт на банкет, ради жажды крови забыли о развлечениях. Против такой орды мы вшестером не имели никаких шансов. Нашей единственной хрупкой надеждой был дневник Ученого – загадочная тетрадка, из которой мы и узнали о возможности бежать по реке. Реку нам помогла найти удача. Лодку – чудо. Но почему и зачем Ученый привел нас сюда, мы так и не поняли.

– А еще это значит, что мы приближаемся к нему, – она смотрит на меня мягко, как будто понимает, о чем я думаю.

Я отвожу взгляд.

Вчера, когда я нашел в альбоме Эпафа портрет отца, я впервые за несколько лет увидел его лицо: глубоко посаженные глаза, суровую линию подбородка, тонкие губы и твердые черты, сквозь которые даже на этом рисунке проглядывали милосердие и печаль.

Теперь я думаю о секретах, которые скрывались за этими глазами и о которых никогда не говорили эти губы. В последний день отец вбежал в дом мертвенно бледный, обливаясь потом. Показал мне два прокола на шее. Он проделал все это с целью убедить меня, что его обратили. Когда отец вышел на улицу перед самым рассветом, я думал, что он умер во имя моего спасения.

На самом деле он бежал на свободу и оставлял умирать меня.

Я вытягиваю две тонкие ветки из кучи и начинаю тереть их друг о друга, как будто правлю ножи.

– Думаете, он оставил эту лодку вам, да? – говорю я. – И придумал всю эту схему побега для вас? Вам интересно, что по этому поводу думаю я? Он не думал о вас, когда оставлял лодку. Он приготовил ее для себя, это он должен был бежать на ней. Только не смог ее найти. Или он сам ее построил, но его поймали, прежде чем он смог бежать.

Сисси смотрит на палочки в моих руках, потом на меня:

– Ты ошибаешься. Ученый обещал нам – почти каждый день обещал, – что выведет из Купола. Он рассказывал о прекрасном месте, где нет опасностей и нечего бояться. Там безопасно и тепло и много других людей. Это страна Молока и Меда, Плодов и Солнца. Он так ее называл, а еще иногда Землей Обетованной. И всегда, говоря о побеге, он утверждал, что мы убежим все вместе.

– Серьезное обещание.

Она поджигает губы:

– Да. Но мы в этом нуждались. Пойми, мы – все мы, – родились в Куполе. И были уверены, что там и умрем, прожив тяжелую жизнь в неволе. Это жалкое существование, правда. Ученый появился ниоткуда и одним своим обещанием смог изменить всю нашу жизнь. Он дал нам надежду. Мальчики – особенно Джейкоб, – изменились до неузнаваемости. Вот что делает надежда. А мы ведь даже не знаем, что такое мед и молоко, – добавляет она с улыбкой.

– Так доверять какому-то обещанию...

Она пристально смотрит на меня:

– Ты не знал его так, как мы.

Я едва не вздрагиваю, так мне больно от ее слов, но успеваю овладеть собой. У меня было достаточно времени научиться справляться с эмоциями.

– Ты не хочешь его найти? – спрашивает она. – Разве тебе совсем неинтересно, куда он мог деться?

Я застываю. Честно говоря, я мало о чем думал, кроме этого.

На ее лицо падают блики лунного света, отраженного от воды.

– Ответь, Джин, – шепчет она, глядя мне в глаза.

Я молчу, ее слова – *ты не знал его так, как мы*, – все еще звучат у меня в голове. Сколько я мог бы ей рассказать. Сказать, что человека, которого они знали как *Ученого*, я звал *Отцом*. Что я жил с ним, играл с ним, говорил с ним, изучал город с ним, слушал его истории. Знал, что, когда он спит, его суровое лицо расслабляется и сквозь суровые черты проглядывает маленький мальчик; тогда он тихо похрапывал, а его огромная грудная клетка поднималась и опускалась. Что я провел с ним больше времени, чем они, и что мы были куда ближе. Что он любил меня, и любовь отца и сына связывает куда сильнее, чем что бы то ни было.

Вместо этого я просто тру палочки друг о друга.

– Как тебе должно быть тяжело, Джин, – тихо говорит она.

Я молча сажусь поудобнее.

– Твои секреты, – шепчет она, – съедят тебя изнутри. – С этими словами она встает и идет к остальным.

Через несколько часов дождь прекращается. Солнечный свет падает на нас сквозь разрыв в облаках, и ребята кричат от радости. Джейкоб говорит, что теперь все в порядке: у нас есть и скорость, и солнце.

– Утрись, охотники! – дерзко кричит он.

Остальные геперы со смехом поддерживают его.

– Утрись! – смеются они.

Но я не могу разделить их веселье. Каждый новый дюйм между нами и охотниками означает еще один дюйм между Пепельным Июнем и мной.

Последние дни я видел ее в самых неожиданных вещах, например в фигурах облаков. Или в силуэтах гор на востоке, которые становятся все ближе, с каждой секундой, с каждой новой волной, которую мы преодолеваем. Я чувствую, что петля на ее шее затягивается все туже. Меня гложет вина. Она пожертвовала собой ради меня, оставшись одна в Институте

геперов. Она пытается держаться там в ожидании помощи. Помощи, которую я не смог оказать. Думаю, она уже поняла, что я не вернусь. Что я ее подвел.

Ребята продолжают кричать, их легкомыслие становится практически видимым, блестящим на солнце. Теперь они кричат об Ученом и о Земле Обетованной.

Я слышу звук шагов, кто-то бежит ко мне. Это Бен.

– Иди к нам на палубу, Джин, – он широко мне улыбается, – там намного теплее.

Я отвечаю, что мне лучше не выходить на солнце.

– Ну же, давай, – он тянет меня за руки, но я отталкиваю его.

– Я не могу, я не привык к солнцу. У меня кожа сгорит, она не такая темная, как у геп... – я успеваю замолчать, когда уже слишком поздно.

Бен мрачнеет и возвращается на яркий свет, а я остаюсь один в темной и сырой каюте.

Все больше солнечных лучей пронзает облака и падает на землю, и земля раскрывается им навстречу, расцветиваясь сочными цветами – зеленью лугов и темной синью реки.

До вечера я слышу их голоса сквозь щели. Мы все в одной лодке, но мне кажется, что они очень далеко. Солнечный свет льется на нас, и, хотя мое тело он сейчас не обжигает, совесть болит еще сильнее.

Время к вечеру. Они раскинулись на палубе, как греющиеся на солнце собаки, и дремлют. Они устали и голодны, впалые животы урчат даже во сне. Подошла моя вахта у руля. Я впитываю звуки волн, бьющихся о дерево лодки, – ритмичный глухой звук, который меня неожиданно успокаивает.

От легкого покачивания меня клонит в сон. Эпаф не спит, я вижу, как он склонился над тетрадью и рисует что-то, полностью погрузившись в свое занятие. Не в силах справиться с любопытством, я заглядываю ему через плечо. Он рисует Сисси: она стоит на скале у водопада, подняв изящную руку и глядя вперед, на бесконечный горизонт. Водопад сверкает, как если бы в его водах катились тысячи рубинов и алмазов. На Сисси шелковое платье без рукавов, грудь у нее больше, а талия тоньше, чем на самом деле. Кто-то стоит позади нее. Спустя мгновение я понимаю, кто это: это Эпаф, но на рисунке его руки бугрятся мощными мускулами, на мощном теле блестит лунный свет. Одну руку он положил на талию Сисси, а другой с подчеркнутой нежностью касается ее бедра. Сисси закинула руку назад и запустила пальцы в его волнистые волосы.

– Ну и воображение у тебя, – говорю я.

– Что! – он захлопывает альбом. – Ты, маленькая скотина.

– В чем дело? – сонно моргая, бормочет Сисси.

– Успокойся, – говорю я. – Когда закончишь с этим своим... рисунком, помоги мне у руля. Течение усилилось.

Я иду обратно и поворачиваю рулевой шест, пока лодка не выправляется. Из каюты доносится грубый голос Эпафа.

Через несколько минут мне на помощь приходит Дэвид, не Эпаф.

– Ого, – смотрит он на реку, хватая второй шест, – а мы быстро плывем.

Эпаф спорит с Сисси на корме. Он стоит, растопырив руки, пытаясь удержать равновесие. Сисси отрицательно качает головой, показывая на небо, где все еще висят тучи, пусть и пронизанные солнцем. Эпаф, оживленно жестикулируя, приближается к ней. Они продолжают спорить, но река так шумит, что я не могу разобрать ни слова. Подхожу ближе.

– ...Река, – доносится до меня.

– О чем вы спорите?

Эпаф сердито смотрит на меня:

– Ни о чем.

Я поворачиваюсь к Сисси:

– Так что с рекой?

- Она мокрая, – огрызается Эпаф. – А теперь можешь пойти заняться своими делами.
- Вы хотите пристать к берегу, – обращаюсь я к Сисси, – поохотиться.
- Сисси молчит, стиснув зубы, и смотрит на воду.
- Послушайте меня, – говорю я. – Это ошибка. Не надо этого делать.
- Твоего мнения никто не спрашивал. – Эпаф встает между мной и Сисси.
- Сойти на берег будет ошибкой, Сисси, – я обхожу Эпафа. Даже со спины видно, насколько он раздражен. – Разве прошлая ночь ничему нас не научила? Они...
- Я сказал, занимайся своими делами. Какое из слов тебе непонятно? Иди приготовь канаты. Нам надо будет привязать лодку, когда мы причалим.
- С ума сошел? Они собираются нас съесть...
- Круто. Сам додумался? – Эпаф резко поворачивается ко мне, в его взгляде явно читается неприязнь.
- Да послушай ты! Они могут все еще за нами следить...
- Нет. Не могут, – говорит Эпаф. – Ты что, вообще ничего о них не знаешь? Удивительно как плохо ты в них разбираешься, учитывая, где всю жизнь прожил. Сюрприз, мальчик, на солнце они сгорают. И кстати – еще один сюрприз, – солнце как раз сейчас светит.
- Его недостаточно. Они умные, они умеют импровизировать, у них есть технологии и цель. Ты зря их недооцениваешь. Очень зря.
- Единственное, что есть на берегу, это еда, – рявкает Эпаф, – там куча всякого зверья, как в зоопарке. Я видел уже трех луговых собачек. Все, теперь мы с Сисси без тебя решим, что делать.
- Эпаф, – качает головой Сисси. – Я не знаю. Может, это и вправду слишком опасно. По его лицу видно, что он обижен.
- Но, Сисси... я не понимаю. Ты же только что согласилась пойти охотиться. – Он явно сбит с толку и не верит своим ушам. – Ты же знаешь, как мы голодны. Подумай о Бене...
- Да, конечно. Но давай решим все спокойно.
- Нет, Сисси, ты же только что согласилась со мной. Сказала, что надо пристать к берегу и поохотиться.
- Я просто стараюсь сохранять осторожность.
- Это из-за него, – Эпаф тычет пальцем в мою сторону. – Из-за того, что он боится приставать к берегу.
- Хватит.
- Это из-за него?
- Эпаф! Я не говорю, что нам вообще не надо приставать к берегу. Давай подождем, пока небо очистится, чтобы солнце как следует обожгло землю. Если нам надо подождать до завтра, мы подождем. От голода за один день мы не умрем, а если неосторожно выйдем на берег – вполне можем.
- Эпаф поворачивается к ней спиной, буквально дымясь от гнева:
- Почему ты так быстро соглашаешься с ним? Поверить не могу, что ты на его стороне.
- Я ни на чьей стороне. Я на стороне здравого смысла. И того, что будет лучше для всех нас.
- Что будет лучше для тебя! Ты хочешь, чтобы он хорошо о тебе думал, поэтому с ним соглашаешься.
- Все, с меня хватит споров, – говорит Сисси и отходит.
- Эпаф зло смотрит ей в спину, его гнев все еще не нашел выхода.
- Видишь, что ты сделал? – говорит он мне. – Думаешь, ты такой умный, да? Такой крутой парень. *Посмотрите на меня, я столько лет прожил среди них. Посмотрите, как я держусь.* Глядеть смешно.
- Только не позволяй себя спровоцировать, внушаю я себе, отойди.*

– Ты хотел стать одним из них? – шепчет Эпаф. – Тебе было стыдно, что ты такой как есть?

Я застываю.

– Я видел, как ты на нас смотришь, видел эту твою ухмылочку, – он злобно скалится на меня. – Ты смотришь на нас сверху вниз. Тебе неприятно иметь с нами дело. В глубине души ты восхищаешься ими, правда? В глубине души ты хочешь быть одним из них.

– Эпаф, перестань, – Сисси обеспокоенно смотрит на нас.

– Ты и понятия не имеешь, – сдавленно отвечаю я.

– Что-что? – переспрашивает он с глупой улыбкой.

– Ты понятия не имеешь, что они такое. Если бы понимал, никогда бы не сказал подобной глупости.

– Я понятия не имею? Правда? Что, правда? Это я понятия не имею? – он даже не пытается скрыть издевку. – Это ты у нас все знаешь. Хотя с чего бы? Ты всю жизнь провел с ними бок о бок, они всю жизнь были тебе приятелями. Ты никогда не видел, как они рвут на куски твоих родителей, отрывают руки и ноги твоей сестре или брату прямо у тебя на глазах. Ты не знаешь их так, как мы.

– Знаю куда лучше, чем ты думаешь, – я говорю тихо и спокойно, но чувствую, что через мгновение сорвусь. – Поверь мне. Нет, правда, ты-то что о них знаешь? Они для тебя были няньками. Кормили тебя, одевали, пекли тебе торты на день рожде...

Эпаф идет ко мне, выставив вперед палец, как коготь:

– Как ты...

Сисси берет его за руку:

– Хватит, Эпаф.

– Опять! – кричит он. – Почему ты так быстро встаешь на его сторону? *Хватит, Эпаф, довольно, Эпаф!* Кто он тебе? Почему... а, неважно! – он выдергивает руку из ее ладони. – Хочешь голодать с ним за компанию, вперед. Но если мы заболеем, ты будешь виновата, не забывай.

– Прекрати спектакль, Эпаф. – Я вижу, как тяжело она дышит.

Он молча отводит глаза и спустя секунду неожиданно кидается на меня, сшибая с ног. Мы падаем на палубу, и удар отдается гулом в досках настила.

Я слышу странный, глухой звук, как будто от нашего падения что-то под дном лодки сдвинулось. Эпаф осыпает меня проклятиями и ударами, и единственное, что я могу сделать, это как-то отбиваться, пока Сисси – с красным от злости лицом – не оттаскивает его от меня.

– У нас и так хватает проблем! – кричит она. – Мы должны бороться с ними, а не друг с другом.

Эпаф разворачивается и смотрит на берег. Он запускает пятерню в волосы и пытается отдышаться. Но мне уже не до него, я думаю о палубе подо мной. Если постучать в полуметре, то звук оказывается совсем другим.

– В чем дело? – спрашивает Дэвид.

Теперь все смотрят на меня.

Я изо всех сил стучу по палубе, и мне опять кажется, что внизу что-то двигается. Или там что-то спрятано, чтобы никто не нашел. Я начинаю догадываться, и ком встает у меня в горле.

– Джин? – говорит Сисси. – В чем дело?

Я смотрю на нее невидящим взглядом.

– Джин?

– По-моему, под днищем что-то есть, – говорю я. Теперь все смотрят на меня, почти не моргая. – И было у нас под носом все это время.

Бен озадаченно рассматривает палубу:

– Где? Я ничего не вижу.

– В единственном месте, где охотники не догадались бы и не посмели искать, – отвечаю я. – Под водой.

Нырнуть в реку – все равно что пройти сквозь зеркало. Ощущения примерно те же: холод впивается в мое тело, как тысячи осколков стекла. Легкие, кажется, съеживаются до размеров бильярдного шара, и я вынырываю, жадно хватая ртом воздух. Течение чудовищно сильное. Я обвязался поперек груди веревкой на случай – весьма вероятный, как я сейчас понимаю, – что меня подхватит течением. Успокаивает она не сильно, я тут же хватаюсь за борт лодки.

Несколько секунд я привыкаю к холоду, а потом ныряю и протискиваю пальцы между досками обшивки, чтобы удержаться на месте. Ноги сносит течением, и я чувствую себя флагом на сильном ветру. Между досками проходит свет – яркие полосы, прорезающие мутную воду. Здесь жутковато тихо, раздается только низкий печальный рокот волн, прерываемый иногда всплеском. Я осматриваюсь в поисках хоть чего-то необычного. Вот оно. Прямоугольный ящик в самой середине лодки, я осторожно подплываю к нему и обхватываю обеими руками, обнаружив надежную опору. Внизу металлическая задвижка, проржавевшая от времени. Она не поддается с первого раза; и я дергаю сильнее, и внезапно весь низ ящика распахивается. Из него выпадает большой плоский камень. Он бьет меня по голове, от боли я на секунду теряю равновесие, пытаюсь схватить камень, но не успеваю. Он скатывается по моим ногам, отлетает от левой голени и скрывается в мутных водах.

Чувствуя, что мои легкие вот-вот взорвутся, я переворачиваюсь и упираюсь ногами в дно лодки. Сейчас или никогда. У меня единственный шанс нырнуть за табличкой, пока она не осталась на дне навечно. Я отталкиваюсь от лодки и направляю свое тело вниз – в темноту и холод.

За долю секунды до того, как веревка натягивается, я касаюсь камня кончиками пальцев и хватаю его. Потом меня тянет обратно. От силы рывка я едва не роняю табличку снова. Я прижимаю ее к груди, чувствуя кожей выбитую на ней надпись. Вырвавшись в облаке брызг на поверхность, я могу только глотать воздух, будто от меня остались одни легкие. Эпаф и Дэвид видят табличку и вытягивают ее из моих уставших рук, а меня, хотя я едва способен держаться за борт, оставляют в воде.

К тому моменту, когда я выбираюсь на палубу, мокрый и измученный, они все толпятся вокруг таблички, соприкасаясь головами и рассматривая выбитые на камне слова.

ОСТАВАЙТЕСЬ НА РЕКЕ

Ученый

Молчание сменяется хором смеха и возгласов: они улыбаются и радуются так, будто в их жизни ничего больше нет.

– Я же говорил! Я же говорил! – радостно кричит, хлопая всех по спине, Бен. – Он это все планировал с самого начала.

Сисси стоит, прижав ладони ко рту, и на глазах у нее выступают слезы.

– Я знал, что он за нами придет! – кричит Джейкоб. – Земля Обетованная! Он ведет нас к Земле Обетованной! К земле Молока и Меда! Плодов и Солнца!

Сисси наконец улыбается, и от этой улыбки всем становится теплее. Она облегченно закрывает глаза.

– Джин, как ты догадался, что табличка там? – спрашивает она.

Я отвечаю не сразу. Мы с отцом часто играли в поиск сокровищ, когда я был совсем маленьким. Он оставлял мне подсказки по всему дому, и я помню, как злился, когда не мог их найти, хотя знал, что они здесь. Он заставлял меня успокоиться, сделать несколько глубоких вдохов и методично изучить все еще раз. Он говорил: *«Ты смотришь, но не видишь. Иногда ответ под самым твоим носом»*. И практически всегда, стоило мне успокоиться, я обнаружи-

вал подсказку в трещине в полу, или между страниц книги, которую я все это время держал в руках, или даже у себя в кармане.

Но им об этом я не рассказываю.

– Наверное, мне просто повезло.

Я начинаю дрожать. Ветер режет меня холодным лезвием. На мне нет ничего, кроме белья: я разделся, прежде чем нырять.

Один из геперов говорит что-то, и все они начинают дружно смеяться. Сисси возвращается к ним, радостно хлопая в ладоши. Столько эмоций...

Я возвращаюсь в каюту, где оставил вещи, снимаю белье, выжимая его дрожащими руками. До меня все еще доносятся звуки их смеха, взрывы которого перекачиваются из одного конца лодки в другой. Я не понимаю, зачем так демонстративно выражать свои чувства. Неужели они не могут просто переживать эмоции, без того чтобы их проецировать. Может быть, неволя притупила их ощущения, сделала неспособными понимать чувства друг друга, без того чтобы выплескивать эмоции, словно их тошнит радугой. Они начинают хихикать, вспоминая Ученого. Ученый, Ученый. Ученый то, Ученый это.

Они получили подтверждение того, на что надеялись. Знак, что Ученый их никогда не покидал и не предавал, что он на самом деле просто ждет их в конце пути. Ждет их. Не меня.

Меня он бросил в городе, полном чудовищ. Бросил одного. Мальчика, который много ночей подряд рыдал по ночам и мочился в постель. Но для них он придумал сложный план побега, с дневником (найти который должны были именно они, это ясно), и лодку, на которой они должны были плыть в Страну Меда и Молока, Плодов и Солнечного Света. Я слышу еще один смешок, и еще один, они мучают меня, как колкие издевки. Я уже собираюсь пойти и сказать им, чтобы они заткнулись, когда понимаю, что они замолчали. И эта внезапная тишина пугает сильнее. Я выглядываю сквозь щель в стене каюты. Видно не слишком много, только Дэвид и Джейкоб поднимают табличку вверх. Я быстро надеваю сухое и выхожу.

Они поставили табличку вертикально и снова толпятся вокруг. Вода все еще вытекает из выбитых букв, и на палубе образовалась небольшая лужа. Я снова читаю надпись.

ОСТАВАЙТЕСЬ НА РЕКЕ

Ученый

Но геперы из Купола смотрят не на переднюю, а на заднюю сторону таблички. Их глаза, видящие что-то, что я увидеть не могу, удивленно распахнуты. Наконец они все встречаются взглядом со мной.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Они медленно поворачивают табличку, чтобы и я мог прочитать. Четыре слова. Эти четыре слова так же надежно врезаются мне в память, как эти буквы – в камень.

НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ДЖИНУ УМЕРЕТЬ

Первые за столько лет слова отца обо мне. Голос из прошлого: шепот, который поднимает ветер и перерастает в бурю. Как будто электрический разряд проходит сквозь тело, и я чувствую, что внутри меня начинает таять лед. Это волна света, и надежды, и силы, но я падаю на колени.

Джейкоб и Дэвид первыми подбегают ко мне и помогают встать на ноги. Я чувствую, как они хлопают меня по спине, их голоса – все еще громкие – больше не кажутся режущими слух. Их тела все еще прижимаются ко мне, но почему-то я больше не чувствую, что они вторгаются в мое пространство. Они обнимают меня, и я вижу их озадаченные взгляды. Наконец, они тепло улыбаются мне, и я чувствую, что они меня принимают. Сисси зажмурилась и прижала руки ко рту. Когда она наконец открывает глаза, то смотрит на меня с нежностью.

– Я знала, – говорит она, – ты здесь не случайно, Джин. Ты должен быть с нами. Быть частью нас.

Я молчу и неожиданно остро чувствую, как речная вода стекает по моему телу. Поднимается ветер, и я начинаю дрожать. Сисси обнимает меня. Я все еще мокрый, но, видимо, она не против.

– Ты больше не чужой, – шепчет она мне в ухо, так тихо, что понятно: эти слова предназначены только мне. Сисси прижимает меня к себе еще раз и отстраняется. Когда она накидывает мне на плечи принесенное Беном покрывало, я вижу, что лицо и грудь у нее мокрые. Солнечный свет льется на лодку, на реку, на нас.

3

Когда я был во втором классе, в ночь, когда меня едва не сожрали заживо, я сидел один в углу столовой. В тот ранний час в столовой было мало народу, и, вероятно, только поэтому я остался жив. В честь дня рождения Правителя на обед подали стейки из особого синтетического мяса – более кровавые, чем обычно, и больше напоминающие настоящее мясо. Все ели с остервенением, разрывая стейки зубами. Кровь, стекавшая по подбородкам, капала в специальные чашки.

Я запустил зубы в мясо и почувствовал, что кровь течет из него, как вода из губки. Игнорировать ощущения и запах было трудно. Я давно научился подавлять рвотный рефлекс, который может вызвать кровавый кусок мяса, но этот праздничный обед был как-то особенно ужасен. Я сделал несколько глубоких вдохов, следя за тем, чтобы ноздри не раздувались, закрыл глаза – якобы в восторге – и снова взялся за еду.

Почувствовав укол боли в верхней десне и с трудом сдержав стон, я остановился на мгновение, не выпуская куска мяса из зубов. Мой рот постепенно наполнился кровью. Я позволил ей стечь. По подбородку. В чашку для крови. Запустил зубы в мясо еще раз. В этот раз боль оказалась такой сильной, что отдавалась во всем черепе. Только невероятным усилием я смог подавить крик. Зажав стейк зубами, я снова блаженно прикрыл глаза, чтобы слезы под веками высохли. И в этот момент с закрытыми глазами я впервые услышал щелканье шейных позвонков и шипение. Звуки становились все громче и доносились изо всех углов столовой. Я подождал несколько мучительных секунд, убедился, что слезы высохли, и открыл глаза.

Все вокруг подергивались от возбуждения, теперь по их подбородкам стекала не только кровь, но и слюна. Одни вцепились в свои стейки с новой страстью, ошибочно полагая, что заворачивающий аромат испускают именно они. Другие, постарше, принохивались, запрокинув голову. Они явно чуяли что-то другое.

Я снова вцепился в стейк, не до конца понимая, в чем дело. В конце концов, я тогда был всего во втором классе, еще совсем маленький. Новый взрыв боли в десне. Во рту опять начала скапливаться кровь. Но не такая, как обычно.

Теплая.

Я ничего не понимал. Выпустив лишнюю кровь изо рта, я вновь почувствовал ее тепло, когда она стекала по подбородку. В этот момент почти все в столовой бросили свой обед. Раздалось громкое, заинтересованное шипение. Некоторые ученики запрыгнули на стулья, инстинктивно щелкая шейными позвонками. Я провел языком по верхним зубам, от самых дальних, через заостренные концы фальшивых клыков, которые я надевал каждый раз на закате, к передним резцам. Вот один, вот... На месте второго резца зияла дыра.

У меня выпал зуб.

Я поднялся. Половина столовой уже стояла или сидела на корточках на стульях. Даже работники кухни на другом конце перестали работать. Только детсадовцы, все еще думая, что аромат исходит от искусственного мяса, продолжали с дикими взглядами двигать челюстями. Я поднял чашку для крови, делая вид, что пью из нее. На самом деле я плотно сжал губы и вылил кровь на подбородок, на шею, на одежду. Чтобы как можно надежнее скрыть запах крови гепера.

Я поставил чашку и медленно, будто ничего не случилось, вышел из столовой. Когда я почувствовал, что на меня смотрят, то просто нагнулся завязать шнурки, делая вид, что у меня полно времени и нет никаких забот. Шаг за шагом я пересек столовую, высасывая кровь из дырки в десне и глотая ее, чтобы ни капли не показалось наружу. Я глотал, глотал и глотал.

Я заставил себя пройти по коридору, заставил себя не плакать, но едва не потерял контроль над мочевым пузырем – верная смерть в моем случае. Однако и с этим я смог справиться.

Мне было семь лет, но я силой воли контролировал глаза, мочевой пузырь, лицо. Чтобы ни страх, ни другие эмоции нельзя было увидеть на лице. Отец хорошо меня обучил.

Класс был пуст – все ушли на обед – и, закрыв за собой дверь, я едва не сломался. Едва не поддался страху и панике, едва не позволил слезам, крови и моче вылиться наружу потоком испуга и отчаяния. Но я сумел собраться и поднял экран на парте. Продолжая глотать кровь так, чтобы ни капли не скатилось с губ, я набрал электронный адрес отца. Каждую кнопку я нажимал невыносимо дрожащими руками. Простое сообщение, которое у нас значило, что случилась беда.

Пустое сообщение.

Оно могло значить только одно.

Я нажал «ОТПРАВИТЬ» и взял свою сумку. Выходя из класса, я услышал шум в столовой. Крики и вопли. Я глотал и глотал кровь, надеясь, что этого достаточно.

Отец уже должен был получить мое сообщение. И я точно знал, что как бы он ни был занят в своем стеклянном небоскребе, он бросит все. Тут же. И придет ко мне.

Я заставил себя идти медленно, будто просто прогуливаясь. К главным воротам, где всегда толпился народ, я не пошел. Я пересек футбольное поле, площадку для бейсбола и вышел на улицу. Несколько пешеходов повернули головы в мою сторону, и я заметил, что они принимают. Но я продолжал сглатывать кровь, а мои глаза, блестящие от слез, были скрыты под темными очками.

Только через полчаса, добравшись до дома, заперев дверь и закрыв ставни, я смог позволить себе упасть на колени. Все силы покинули меня. Я свернулся на полу калачиком и обхватил колени так, как если бы они были другим живым существом, способным меня утешить.

В таком виде меня и нашел отец спустя пятнадцать минут, когда вбежал в дом и быстро закрыл за собой дверь. Он подхватил меня мощными мускулистыми руками и прижал к себе. Он не сказал ни слова, пока я плакал, уткнувшись лицом в его рубашку. Только гладил меня по волосам. Потом он сказал, что все в порядке, что я все сделал правильно, что он гордится мной, что я хороший мальчик.

Но через несколько часов ему пришлось оставить меня. Когда луна села и солнце поднялось над горизонтом, он открыл дверь и вышел на пустынные, залитые солнцем улицы. Он отправился в школу за моим зубом. Его надо было найти. Если бы его обнаружили где-нибудь в уголке столовой или рядом с ножкой стола, подозрения – все еще смутные, которые со временем должны были развеяться, как и все безумные слухи о геперах, – подтвердились бы. А если бы это произошло, они бы быстро сложили два и два и пришли бы за мной спустя минуты, даже секунды, бросились бы на меня и разорвали на части.

Спустя несколько часов, незадолго до заката, отец вернулся с пустыми руками. Он не смог найти зуб. Отец устал, и я видел, что он с трудом справляется со страхом, но мне он сказал не беспокоиться. Возможно, я просто проглотил зуб и теперь тот в безопасности внутри меня.

Я снова заплакал. Я думал, что это нормально, я дома, и сегодня отец ведь разрешил мне плакать. Но он остановил меня.

– Все. Хватит слез, – сказал отец. – Скоро тебе идти в школу, твое отсутствие может привлечь внимание.

Я сумел перестать плакать, но с дрожью, сотрясавшей все тело, совладать не мог. Я боялся, что отец опять начнет меня ругать, но вместо этого он обнял меня и прижал к себе, как будто хотел остановить дрожь своим телом. В его объятиях я чувствовал себя в безопасности.

– Я бы хотел, чтобы мы обратились, – сказал я, уткнувшись ему в грудь. Он напрягся. Я продолжил: – Почему нет, папа? Я устал постоянно врать и прятаться. Почему бы нам не обратиться? Это просто, я могу принести домой немного их слюны. – Я был настолько поглощен своими мыслями, что не заметил, как его лицо исказил гнев. – Нам надо просто втереть

немного слюны в маленький порез. Тогда нам не надо будет прятаться. Мы могли бы стать нормальными. Как все. Давай оба сделаем это, папа.

– Нет! – ответил отец, и его голос звучал как гром, раскаты которого до сих пор раздаются в моей памяти. – Нет, – он взял мое лицо в руки и посмотрел в глаза, – никогда не говори ничего подобного. Никогда не думай ничего подобного. Никогда!

Я кивнул, больше от страха, чем от понимания.

– Никогда не забывай, кто ты, Джин, – он сильнее стиснул мое лицо. Думаю, он не понимал, с какой силой меня держит. – Ты идеален таким, какой есть. Ты ценнее, чем все эти люди в городе. – Он говорил еще, обещал, клялся, что никогда меня не оставит. Его голос становился все тише и мягче, успокаивал меня, будто проникая в самую глубину моих генов. Он обнимал меня, пока я не затих.

Зуб так и не нашли. Вероятно, я его действительно проглотил. Но недели, месяцы и даже годы спустя я боялся, что где-то, в какой-то укромной трещине, лежит мой зуб, желтый и потускневший, и ждет, когда его найдут. Как и я сам: брошенный и ждущий, что меня в конце концов обнаружат.

И все-таки, хоть я и жил в крошечной трещине между двумя мирами, тогда, в объятиях отца, я ощутил глубокий и полный покой, который может дать только родительская любовь. В тот день я дал клятву, настолько полно проникшую в самую мою суть, что даже забыл о ней. До тех пор пока десять лет спустя, на лодке посреди незнакомой реки, не увидел свое имя на каменной табличке. Я вспомнил о своей клятве и снова дал ее: отец – мой мир, и если он исчезнет, я сделаю все, чтобы найти его. Дойду до самого края нашей несчастной земли.

4

Солнце скрылось, а вместе с ним и все праздничное настроение прошедшего дня. Земля утонула во тьме, а река, только недавно гладкая, как блестящие латы, подернулась лихорадочной рябью. Волны у берега вскипают белой пеной, как будто там мечутся призраки. Никто не произнес вслух слово «охотник», но нас охватывает страх, который написан на наших озабоченно наморщенных лбах, виден в глазах, нервно шарящих по берегу, чувствуется в спинах, затекших от невозможности лечь спать. Мы давно не ели, но наши тела научились обходиться без еды, за счет внутренних резервов. Однако скоро – через день, максимум через два – эти резервы закончатся и мы начнем поддаваться голоду.

Сисси, не сводя глаз с берега, точит свои кинжалы. Эпаф ходит взад-вперед по палубе. В руках у него дневник Ученого, он время от времени перелистывает страницы. Все начинается внезапно.

– Сисси, – шепчет Дэвид. Глаза у него от ужаса огромные, как блюдца.

Их трое. Они бегут тесной группой вдоль берега, всего в миле от нас. Они на четвереньках, с телами, как у гепардов, руки и ноги касаются земли, отталкиваются и с каждым прыжком кидают их вперед с невероятной скоростью. Бегущий впереди чуть замедляется, его место занимает другой. Я понимаю, что они делают, они используют поток воздуха за самым быстрым бегуном. Так можно бежать на десять процентов быстрее – серьезный плюс при путешествии в сотни миль длиной.

Проходит несколько секунд, и они уже рядом с нами. Выглядят кошмарно. Их кожа частично расплавилась от солнечного света, как пластмасса в печи, а теперь, с приходом ночи, застыла твердыми складками, сдвинутыми назад. То тут, то там на их телах видны клочья волос, торчащие, как уродливые пучки ниток из растрепанного ковра. Хотя нет, это не волосы, это остатки их солнцезащитных плащей, намертво вплавившиеся в кожу. Охотники превратились в бешеных бродячих животных: пена изо рта, большая кожа, отходящая от костей, ободранные лапы, бьющиеся о землю. Их глаза бешено шарят по берегу и ищут нас со страстью и тоской.

Третий охотник кажется мне странно знакомым, в этих расплавленных складках кожи мне видится лицо, которое я почти узнаю. На спине этой твари сумка – они все с сумками, – набитая чем-то, напоминающим по форме тяжелые инструменты и мотки веревки. Весит она, наверное, немало.

Их сила чудовищна, но не может не восхищать.

Они пробегают мимо.

– Сисси? – произносит Джейкоб.

Они даже не оглядываются. Их бледные фигуры скачками проносятся мимо нас и исчезают за гребнем небольшого холма. Они появляются на склоне следующего холма, далеко от нас, и такое чувство, что бегут еще быстрее.

– Мне это не нравится, – шепчет Сисси. Впервые за все время я вижу в ее глазах страх. – Они становятся умнее и сильнее, учатся новому, и с каждым днем их решимость растет.

Сисси права. Они впервые вступили в борьбу с добычей, чей ум и решимость им не уступают. Необходимость заставляет их выдумывать все новые и новые способы добраться до нас. Сисси нервно хлопает себя по бедру. Я вижу ее разочарование.

– Надо причалить, Сисси! – кричит Эпаф. – Если они впереди, мы просто не сможем плыть дальше.

Она смотрит вперед:

– Это может оказаться ловушкой. Возможно, сзади бежит еще одна группа охотников и ждет, что мы остановимся.

– Не думаю, что таков их план, – говорю я. – Они так не делают. Когда заходит речь об охоте на геперов, они становятся эгоистами. Они в принципе не могут думать о том, чтобы уступить другим. Если позади еще одна группа, то те, кто пробежал мимо нас, вообще ничего не получают. – Я тоже всматриваюсь в реку впереди. – Нет, группа только одна. Та, которая нас миновала.

– Они готовят ловушку? – спрашивает Сисси.

– Похоже на то, – морщусь я. – Не знаю точно.

– Тогда чего мы ждем, – спрашивает Эпаф. – Давайте пристанем к берегу.

Он поворачивается, чтобы идти к шесту.

– Стой! – одергивает его Сисси. – Может быть, на это они и надеются. Может быть, они обогнали нас и сейчас следят из-за тех холмов. Может быть, они хотят хитростью заставить нас пристать к берегу? Может, они просто ждут, что мы проявим глупость и сами уничтожим единственную преграду между нами – реку. Мы причалим, и через десять секунд нас схватят.

– Что же делать, Сисси? – спрашивает Дэвид.

В ее глазах я вижу железную решимость.

– Плыдем дальше. Если они приготовили ловушку впереди, мы постараемся прорваться. Что бы нас ни ждало, мы будем бороться. Но сидеть, хлопая ушами, и ждать мы не будем. Мы пойдем навстречу судьбе, какова бы она ни была. – Она поворачивается ко мне: – Так делаю я.

Примерно час ничего не видно и не слышно. Лодка продолжает быстро плыть по реке. Каждая секунда наполнена невыносимым напряжением и превращается в бесконечность неизвестности. Я стою на корме и, прищурившись, ищу на берегу знаки их присутствия. Берега сужаются, и река вскипает белой пеной. *Не отвлекайся*, говорю я себе, *ни на секунду...*

Лодка останавливается, будто налетев на бетонную стену. Нас всех кидает вперед, и мы падаем на палубу. Я едва не вываливаюсь за борт. Сисси вскакивает на ноги первой и резко поворачивается, пытаясь осмотреться и понять, что происходит.

Я вижу, что нас остановило. Это веревка, протянутая над рекой. Лодка уперлась в нее. Устройство, которое несли охотники, наверное, было чем-то вроде гарпунной пушки. С его помощью они перекинули веревку через узкую излучину реки.

– Кажется, у меня ребра треснули, – говорит, скрипя зубами, Эпаф, осторожно складывая руки перед грудью, как будто держит невидимого ребенка. – Не могу терпеть, мне даже дышать больно.

– Сисси, – кричу я, – дай мне свой кинжал! Надо перерезать веревку.

Раздается топот ног, бегущих по палубе, и Сисси скользит ко мне, расплескивая воду. Она смотрит через борт, замечает веревку, и ее лицо искажается ужасом. Она готова нагнуться и приняться резать веревку, но медлит.

– Перережь ее, Сисси!

– Что, если они там, в воде?

– Они не могут плавать под водой!

– Тогда где они?

– Не зна...

Какой-то предмет с плеском падает в воду в нескольких футах от нас, поднимая фонтан брызг.

– Что это? – вскрикивает Джейкоб.

Еще один громкий всплеск, на этот раз ближе.

– Они в воде? – спрашивает Джейкоб, отходя подальше. – Это они?

– Нет! – кричу я. – Они не умеют плавать!

– Тогда что...

Что-то ударяется в палубу рядом с моей ногой, осыпая щепками. Чугунный абордажный крюк – черный как ночь, с четырьмя острыми лезвиями – вонзился в дерево примерно посе-

редине палубы. В этот момент я вижу охотников. Они спрятались за поросшим травой бугром, но натянутая веревка указывает на них.

Я хватаюсь за абордажный крюк. Он покрыт чем-то скользким – их слюной, – и я отдергиваю руки.

– Не прикасайтесь к крюкам! – изо всех сил кричу я. – Они все вымазаны их слюной.

– Не время нежничать! – отзывается Сисси. – Нам надо от них избавиться!

Я ошарашенно смотрю на нее, не в силах поверить в такое невежество. Может быть, она просто не в курсе: если слюна охотника попадет в рану или даже царапину и проникнет в кровоток, начнется обращение. Я срываю рубашку и обматываю вокруг крюка.

– Не позволяйте слюне попадать на кожу! – кричу я. – Пользуйтесь рубашками.

Но я все равно не могу сдвинуть крюк, он слишком глубоко вошел в дерево.

Охотники появляются из темноты и тянут за веревки, прикрепленные к крюкам, с чудовищной и непреодолимой силой. Лодка движется к берегу пугающе быстро.

– Сисси! Режь веревку!

Но она не слышит меня, пытаюсь вытянуть из палубы абордажный крюк, еще глубже увязший в палубе. Ей с ним не справиться. Я тянусь к ее поясу, выхватываю нож, и спустя мгновение я уже перегнулся через борт к веревке. Но стоит мне ее коснуться, как меня охватывает отчаяние. Она сделана из прочного синтетического материала, который не поддается ножу. На то, чтобы ее перерезать, уйдет минут пятнадцать. Я пытаюсь протолкнуть веревку под лодку, но она слишком плотно врезалась в дерево. Лодка преодолела уже половину расстояния до берега. Мы достаточно близко к нему, чтобы увидеть охотника, который, шипя, стоит по щиколотку в воде и что-то кидает. В ночное небо взлетает еще один абордажный крюк.

– Осторожно! – кричу я.

Бен сосредоточенно пытается вырвать первый крюк. Он не видит, что второй летит прямо ему в голову. Эпаф, только что баюкавший свои ребра, прыгает и оттаскивает Бена от того места, куда через мгновение врезается крюк. Они валятся на палубу рядом с каютой. По тому, как безжизненно падает тело Эпафа, я понимаю, что он без сознания. У него на щеке, в том месте, куда пришелся удар крюка, глубокая царапина, из которой льется кровь.

Охотники испускают восторженные вопли.

Веревка падает прямо на Эпафа; теперь я кидаюсь и отталкиваю его в сторону, прежде чем она успевает натянуться и прижать Эпафа к палубе или даже отрезать ему что-нибудь. Теперь лодку удерживают три веревки. Тянут охотники с такой силой, что обращенный к ним борт на фут поднимается над водой. Мы движемся к берегу с такой скоростью, будто у нас мотор.

Сисси пытается рубить одну из веревок, но быстро сдается: они сделаны из того же материала, что и канат, преградивший нам путь. Я вижу, что она прищуривается и производит в уме сотни расчетов в секунду, обдумывая множество вариантов. Пока не остается только один.

Сисси, не раздумывая, хватается Дэвида и Джейкоба и бросает их в каюту, к нам с Беном. Эпаф все еще без сознания, его грудь поднимается и опускается от частого неглубокого дыхания.

– Слушайте меня, – говорит она, с лица у нее течет вода. – Я плыву на берег. Нырну с этой стороны каюты и проплыву под водой, чтобы они меня не видели. Вы пока постарайтесь их отвлечь. Пытайтесь убрать крюки.

– Нет, Сисси! – кричит Бен.

– Это наш единственный шанс.

– Должен быть еще какой-нибудь.

Она так сильно сжимает руку Бена, что он морщится от боли:

– Нет, Бен.

– Тогда дай попробовать мне, – предлагаю я. – Я хорошо плаваю, у меня получится.

– Нет, – говорит она, убирая один из кинжалов в ножны.

– Тогда пойдем вместе, – настаиваю я.

– Нет, – повторяет она, забирая кинжал у меня.

– Сисси...

Она пристально смотрит на меня, задерживая взгляд на секунду дольше, чем следовало бы, и я вижу в ее глазах одновременно гнев и удивление.

– *Не дайте Джину умереть*, – наконец шепчет она, протискивается с этими словами мимо меня к выходу из каюты и опускается в реку с едва слышным всплеском.

Дэвид начинает плакать. Я поднимаю его на ноги. И его, и Джейкоба, и Бена, зная, что сейчас они нужны друг другу.

– Послушайте, ребята, – говорю я так убедительно, как только могу. – Сисси поручила вам работу. Оторвите эти чертовы крюки от нашей лодки. Через рубашки, не прикасайтесь к ним голыми руками. Поняли?

Джейкоб кивает, я осторожно беру лицо Дэвида в ладони. У него такая тонкая кожа. Он не создан для этого мира. Взглядом я пытаюсь передать ему свою смелость. Он кивает.

– А сейчас идите! – я выталкиваю их на палубу.

Они кидаются каждый к своему крюку.

Теперь и я прыгаю через борт, ныряя в воду.

Меня охватывает жидкая ледяная тьма. Течение несет меня. Я борюсь с ним, противостоя вихрям, которые едва не переворачивают мое тело. Стоит им поддаться, и я окончательно перестану понимать, куда мне плыть. Я гребу изо всех сил, забыв о точном направлении, просто стараясь выплыть, пока мои легкие еще не взорвались.

Наконец я врезаюсь в берег. Острые камни режут мне ладони, пальцы застревают в трещинах. Я выбираюсь, мокрая одежда тянет меня к земле. Я заставляю себя встать и идти. Вот лодка. Дальше, чем я думал, река унесла меня почти на пятьдесят метров. По ладони течет что-то теплое. Мне не надо смотреть, чтобы понять. Это моя кровь, текущая из порезов.

Снова раздаются вопли, такие пронзительные, что кажется, будто небо и луна вот-вот разобьются на мелкие осколки. Три каната, которые тянули охотники, неожиданно провисают, и задранный кверху борт с плеском опускается. Они отпустили лодку; они идут за мной.

– Сисси! Ты где?

– Тут. Быстрее!

Она стоит у груды брошенного на землю снаряжения. Веревки, крюки, заряженное гарпунное ружье. Наверное, они оставили его здесь раньше на всякий случай. Если мы сумеем вырваться из первой ловушки, они просто побегут дальше и приготовят еще одну.

– Они идут, Сисси.

– Знаю.

Я поднимаю гарпунное ружье. Пытаюсь, во всяком случае. Оно весит чуть ли не больше меня. Я бы не сумел его нести, не говоря уж о том, чтобы им пользоваться.

– Сисси, помоги мне с этой штукой. Вместе мы сможем ее поднять.

Она не отвечает.

Я поднимаю глаза. Ее нет.

Недалеко, слишком недалеко, раздаются вопли. Очень близко. Я взбегаю на вершину холма. Вот она – примерно на середине склона в лунном свете видна фигура Сисси. В ее мертвенно-бледной руке стиснут кинжал. К ней кидаются двое охотников. Долгие часы изнурительного бега сожгли весь жир в их телах. Видно каждое ребро, полупрозрачная кожа хлопает при каждом движении, как выстиранное белье на веревке. Третьего охотника нигде нет. Сисси не двигается. Им примерно двадцать секунд бежать до нас, и она ждет, пытаясь найти лучший угол для броска. Но она не понимает их так, как я. Я знаю их тактику.

– Сисси, – подбегаю я к ней, – сейчас!

– Нет, – шепчет она, – слишком далеко.

– Они сейчас разделятся. Один справа, другой слева – они бросятся на нас с разных сторон. Чтобы сбить тебя с толку, чтобы дезориентировать тебя. Ты будешь целиться в одного, а другой в это время бросится тебе на спину. Сейчас, Сисси!

Я ее убедил. Незаметным глазу движением она кидает кинжал в сторону от бегущих охотников. Они, не замедляя бега, поворачивают головы и следят за вращающимся, мерцающим в лунном свете клинком, за тем, как он описывает плавную дугу над рекой и возвращается к ним. И в последний момент перепрыгивают через него.

Они снова поворачиваются к нам и издают победный визг. Они знают. Им рассказали о кинжалах Сисси.

Но они знают не всё.

Это не единственный кинжал в воздухе.

Пока они не спускали глаз с первого, Сисси запустила еще один.

Одного из охотников мощным ударом сносит в сторону, как будто кто-то дернул за невидимый поводок. Кинжал вонзается ему в шею. Расплавившаяся рыхлая кожа не сопротивляется железу, кинжал вошел целиком, с рукоятью. Охотник лежит на спине, перебирая руками, как перевернутая черепаха. Он пытается встать, но не может. Кинжал перебил ему трахею.

Второй охотник снова издает вопль. Не страха. Не тоски по поверженному товарищу. Дикой радости. Теперь ему достанется больше геперов. Он бежит к Сисси, истекая слюной и дрожа от нетерпения.

Сисси опускает руку к поясу. Осталось всего три кинжала. Первый она кидает направо. Мои глаза и глаза охотника поворачиваются в ту сторону. Но она нас обманула. Клинок все еще у нее в руке. Спустя мгновение – уже нет. Она бросила его, как бумеранг, в направлении, противоположном обманному броску. Но Сисси не останавливается, чтобы полюбоваться своей работой, и вот второй кинжал уже летит прямо к охотнику, направленный между глаз. Два кинжала несутся к нему, пока он пытается найти в небе несуществующий кинжал. Это прямое попадание. Два прямых попадания.

Но в этот раз не всё знаем как раз мы. Охотник знает. Он с самого начала понял, что первый бросок был обманным маневром. В последнее мгновение он падает на землю и перекатывается на бок. Кинжалы сталкиваются прямо у него над головой, рассыпая град искр. Охотник вскрикивает от боли, вызванной вспышкой, но это единственная боль, которую он ощущает.

Он поднимается на ноги и смотрит на нас, затем поднимает запястье и несколько раз царапает его ногтями. В глазах у него бешеное веселье. У нас остался всего один кинжал. Охотник кидается к нам. Он всего в паре шагов.

Сисси выбрасывает руку назад, готовясь кинуть последний кинжал. Но она делает странную, редкую ошибку. Смертельную ошибку. Кинжал не вовремя выскальзывает из руки и взлетает в небо за нашими спинами.

Охотник радостно взвизгивает. Это самый похожий на смех звук, который я когда-либо от них слышал. Отвратительный, непристойный звук. Сисси поворачивается. Ее движения четкие, продуманные, как будто все, что произошло и будет происходить – каждая доля секунды, – тщательно спланировано. Кинжал трудно не заметить на ярком фоне полной луны. Я не единственный, кто за ним следит. Охотник не отрывает глаз от кинжала, поднимая взгляд все выше и выше. Яркий лунный свет застигает его врасплох и бьет прямо в глаза. Он щурится, а потом сжимает веки со сдавленным вскриком. На мгновение он ослеплен.

Теперь я понимаю.

Кинжал достигает верхней точки своей траектории и потом летит назад, к нам. Прямо мне в лицо. Сисси прыгает, ловит его и тем же движением, не успев приземлиться, запускает в

охотника. Клинок проносится в дюйме от моей головы. Глаза охотника все еще плотно зажмурены. Он не ждет опасности.

Лезвие попадает ему в голову, прямо в хрупкую впадинку на виске. Оно входит глубоко, разрушая все внутри черепа на своем пути. Содержимое глазных яблок выплескивается из-под закрытых век. Охотник в конвульсиях валится на землю. Он пытается вынуть кинжал, но от боли и ужаса делает только хуже.

Сисси, приземлившись после броска, стоит, слегка согнув ноги. Я кладу руки ей на плечи. Мышцы все еще подрагивают от напряжения. Кто бы мог подумать, что в этих изящных руках столько силы.

– Идем, я тебе помогу, – говорю я.

– Там где-то еще один, – она выпрямляется, на мгновение опирается на меня, но потом срывается с места.

– Сисси! Ты куда?

Она отбегает и наклоняется поднять два кинжала, быстро убирает их, затем возвращается, глядя на лежащих на земле и стонущих охотников. Вернее, на торчащие из них кинжалы. Сисси нужно получить их обратно, но она не хочет искушать судьбу. Зловещий вой доносится от валуна слева от нас. Лунный свет выхватывает фигуру охотника, готового к броску. Он все это время изучал нас, пытался понять нашу тактику.

Сисси пятится назад, ко мне:

– Этот не такой, как прошлые. Опаснее.

Он спускается, гибкая кошачья фигура, его лапы стучат по выщербленному камню. Я его узнал. Ее. Это Алые Губы. Одна из победителей лотереи. Ее лицо искажено, как в кривом зеркале: губы, когда-то накрашенные, оттянуты назад и слились со щеками. Но все-таки даже сейчас, с напоминающим кашу и расплавленный пластик телом, каждое ее движение исполнено дико-сексуальной скорости и плавности.

– Встань у меня за спиной, – шепчет Сисси, – я разберусь с ней.

– Кинжалы не сработают. Только не с ней. Она все видела, изучила твою тактику.

Сисси перехватывает кинжалы.

– Отходи, – говорю я, – у меня есть план.

Алые Губы спрыгивает с валуна и медленно движется к нам, припав к земле. Ее руки и ноги движутся одновременно – левая нога с левой рукой, правая нога с правой рукой, ноги она ставит ровно в том месте, где только что была рука.

– Что за план? – спрашивает Сисси.

– Гарпун.

Сисси мотает головой:

– Он слишком тяжелый.

– Мы можем поднять его вдвоем, – говорю я, разворачиваясь, и бросаюсь к груди снаряжения, которую мы видели, выбравшись на берег.

Сисси бежит следом. Скользя от росы трава позволяет нам легко скользить. Мы оказываемся рядом с грудой.

– Помоги! – Сисси берется за гарпунное ружье с одной стороны, я – с другой, и мы его поднимаем. Оно весит как три человека. Пальцы Сисси уже на курке, я кладу свои поверх них.

Алые Губы, заметив гарпун, останавливается.

– Молодец, – кричит Сисси, – иди отсюда.

Алые Губы склоняет голову набок, отскакивает в сторону и пулей несется к нам, издавая режущий уши крик.

Мы с Сисси нажимаем на курок.

Для этого требуется совместная сила наших пальцев. В ружье чувствуется напряжение, а потом оно, содрогаясь, выпускает снаряд. Мы прицелились неидеально, но неплохо. Алые Губы

– в бесполезной инстинктивной попытке защититься – поднимает руку, и наконечник гарпуна проходит сквозь ее пальцы. Я вижу, как два обрубка – указательный и средний – отлетают в сторону. Копье входит в левое плечо, ее разворачивает и кидает на землю. Крик боли, который она испускает, чудовищен.

– Пойдем, быстрее! – кричит Сисси, хватая меня за руку и тянет за собой.

Мы огибаем извивающуюся на земле Алые Губы по широкой дуге. Она пытается вырвать гарпун из раны, но безуспешно. Она прижата к земле и слабеет, ее лицо искажено гримасой боли. Наши глаза встречаются.

– Тебя зовут *Джин*? – спрашивает Алые Губы.

Я застываю на мгновение. Услышав свое имя, слетевшее с ее губ, я холодею.

– Это слово она все время бормотала, – говорит Алые Губы.

– Кто? – я подхожу к ней на шаг, хотя и так знаю.

– Ближе, – произносит Алые Губы низким грудным голосом. – Подойди ближе, Джин.

Сисси тянет меня за руку:

– Нет, Джин, эта тварь пытается нас задержать. Где-то рядом могут быть и другие.

Алые Губы смотрит мне в глаза.

– Девчонка, которую ты оставил в Институте геперов, – произносит она, склоняя голову набок. – Когда все закончилось, она продолжала бормотать: *Джин, Джин, Джин*.

Я чувствую, как от лица отливает кровь. *Когда все закончилось*. Я моргаю, чувствуя, что земля уходит из-под ног.

Сисси бьет меня по лицу.

– Нам надо идти. Сейчас! – она тянет меня за руку, вынуждая бежать за собой.

Крик Алых Губ преследует нас до самой лодки. Мальчики сумели избавиться от абордажных крюков, но натянутый поперек реки канат все еще нас держит. Мы находим гарпун, зажатый между двумя валунами.

– Помогите мне, Джин, – говорит она. – Ну все, хватит. Да что с тобой такое?

Сисси принимается пинать гарпун, чтобы приподнять одну его сторону.

С лодки Дэвид кричит нам:

– Охотник возвращается!

Это придает Сисси сил. Она еще раз пинает гарпун, он встает вертикально и падает в трещину.

Мы прыгаем в воду и направляемся к лодке. Ледяная вода приводит меня в чувство, и я плыву, яростно загребая руками и ногами. Мальчики втягивают нас на борт. Мы падаем на палубу, не в состоянии делать что-то, кроме как смотреть на звезды над головой. Они стоят на месте, и кажется, что мы совсем не движемся.

Эпаф со стоном приходит в себя. Мальчики бросаются к нему, но я успеваю вскочить и оттолкнуть их.

– Отойдите от него, не прикасайтесь, – говорю я.

– В чем дело – спрашивает Сисси.

– Может быть, он заражен. Обращается.

По их непонимающим взглядам я понимаю, что они не в курсе.

– Его ударило по голове их абордажным крюком. Они обмазали крюки слюной. – Я осторожно укладываю Эпафа обратно на палубу, проверяя пульс и дыхание. – Если хоть капля их слюны попадет в кровь – все, ты обратился. Превратился в одного из них.

Они нервно переводят глаза на Эпафа. Он смотрит на меня, вытаращив глаза от страха и непонимания.

– Вы об этом никогда не слышали, потому что обращаются редко. Обычно мы не переживаем нападений, нас просто съедают.

– И как долго длится это... обращение? – нервно спрашивает Сисси.

– Быстро. От пары минут до нескольких часов. Зависит от того, сколько слюны попало в кровь. А если слюна от нескольких человек, процесс сильно ускоряется, – я осматриваю Эпафа, ищу другие порезы или раны. – По-моему, с тобой все в порядке, Эпаф. Я не вижу никаких симптомов. Они всегда появляются сразу же.

– Например? – нервно спрашивает он.

– Холодная кожа, дрожь, пот, быстрый пульс. Но с тобой все в порядке. Тебе повезло.

Бен бросается к Эпафу и сгребает его в объятия.

– Держись от меня подальше, – говорит Эпаф, садясь. – Мы пока еще не знаем точно, все ли со мной в порядке.

– Все в порядке, – говорю я.

Мальчики кидаются к нему, толкая обратно на палубу. Где-то в сплетении тел я вижу, что Эпаф улыбается. Кто-то протягивает руку (Джейкоб?), и меня затягивает клубок облегчения и радостных всхлипов.

Лодка разгоняется по быстрой реке, чуть наклоняясь вперед. Силуэт восточных гор впереди становится все ближе и ближе.

5

Прошло несколько часов, но сон все не идет. Я ухожу на корму, подальше от тех, кто громко храпит в кабине, и от стоящей у руля Сисси. Мне надо побыть одному. На зали-той лунным светом равнине не видно никакого движения. Все неподвижно, словно на черно-белой фотографии. Река выглядит как мускулистая рука. Мышцы сокращаются и несут нас все дальше. Со злостью и нетерпением вода стремится вперед.

Я думаю о Пепельном Июне.

Слова Алых Губ всё еще звучат у меня в голове.

Когда все закончилось...

В последний раз я видел Пепельный Июнь на экране монитора в Институте геперов. Она склонялась над столом в кухне и лихорадочно писала записку. Эта записка все еще у меня в кармане, вымокшая, грязная, с обтрепанными краями. Она рискнула жизнью, скрывшись в недрах Института, с надеждой на крохотный шанс, что я вернусь за ней и спасу.

Я перечитывал эту записку снова и снова. Я выучил форму каждой буквы, каждый завиток, каждую точку. Я вынимаю ее и снова смотрю на влажную бумагу с расплывшимися словами, написанными ее почерком.

Я в «Знакомстве». Жду.

Быстрее, стой...

Не забывай.

Еще один, последний раз, обвожу пальцем контуры букв. Налетает резкий ледяной порыв ветра, и я понимаю, что делать дальше. Я закрываю глаза, не в силах смотреть на то, что делаю, и отрываю маленький кусочек от листка. Я позволяю ветру унести его. Он улетает, крутясь в воздухе, как крохотный мотылек, и скрывается в ночи. Отрываю еще кусочек, и еще. Луна поднимается выше, а я отдаю ветру тысячу крохотных кусочков бумаги, пока от того, что осталось в моих руках, становится невозможно оторвать что-то еще. Я долго держу этот крохотный клочок бумаги, а затем, издав горестный крик, выбрасываю и его. У меня ничего не остается.

6

Я просыпаюсь от того, что меня кто-то трясет. Надо мной нависает бледное лицо Дэвида.
– Что случилось? – спрашиваю я. Небо темное. Все еще ночь. – Опять охотники?

Дэвид мотает головой:

– Нет, тут другое.

– Эпаф? С ним все нормально?

– Он в порядке. – Дэвид умолкает на секунду. – Это что-то... Мы пока не поняли.

Я вскакиваю на ноги. Течение сильнее, как будто спокойствие реки чем-то внезапно и решительно нарушено. Фонтаны брызг, взлетающие как гейзеры, падают на палубу, оставляя следы, будто лодку кто-то хватал мокрыми руками. Небо темное и беспокойное, как река, словно сплетенное из струй темноты.

Все смотрят на меня. В широко распахнутых глазах и сжатых губах ясно читается страх.

– Течение быстрое из-за недавнего дождя, – говорю я, пытаюсь успокоить их напряженные нервы. – Но я бы не переживал из-за этого так сильно.

– Мы потеряли шесты. Их вырвало из рук течением.

– Что?

– Но мы не поэтому тебя разбудили, – продолжает Дэвид. – Слышишь этот звук?

Поначалу я не слышу ничего, кроме плеска волн о борт лодки. Но постепенно начинаю различать тихое шипение, вроде электрических помех на радио. Оно далеко, но от него все равно не по себе.

Я прикрываю глаза, сосредотачиваясь:

– Впереди. Дальше по течению реки.

– Я услышал это минут десять назад, – тихо произносит Эпаф. – Оно то появлялось, то пропадало. Но теперь. Слушай. Оно становится громче. И ближе.

Я смотрю вперед, стараясь как можно дальше увидеть в темноте. Зрения хватает всего метров на пятьдесят. Даже берега скрылись из вида. Страх грязными ногтями скребет меня по спине.

– Мне кажется, – говорит Эпаф, – это шум водопада. Ученый рассказывал, что, если приближаться к водопаду издали, услышишь шипящий звук, – он поворачивается ко мне, и я вижу следы брызг на его лице.

– Джин, что думаешь?

– Я вообще ничего не понимаю в водопадах. До этого момента я считал, что они бывают только в фантастических книжках, – я продолжаю вглядываться в темноту.

Шипение начинает напоминать звуки кипящего масла. Становится все громче и не предвещает ничего хорошего.

– Я думаю, мы движемся прямо к водопаду, – говорит Эпаф. – Приготовимся плыть к берегу, – он смотрит на меня, я киваю. – Я отвязу причальную веревку.

Следующие пятнадцать минут ярость реки нарастает. Нас мотает из стороны в сторону, как на взбесившейся карусели. Капли дождя падают с такой силой, будто небо со злостью швыряет их в нас. Шипение становится все громче. Мы собираемся вокруг Эпафа. Он обвязывает каждого веревкой, туго затягивая узлы. Мы шуримся от брызг и холодного ветра, изо всех сил пытаемся устоять на качающейся палубе.

– Смотрите на меня, – говорит Эпаф. – Все смотрите на меня. Нам надо спрыгнуть с лодки и доплыть до берега.

– Эпаф, я не знаю! – возражает Джейкоб. – Течение такое быстрое. Нас может унести, разделить, утянуть на дно.

– У нас нет выбора! – кричит Эпаф в ответ. – Держитесь все за эту веревку. Если вас потянет на дно или будет сносить течением, просто держитесь за веревку!

– Но нас все равно может унести! – Джейкоб мотает головой.

– Нет! – рывкает Сисси. – Эпаф прав, надо прыгать.

Мы, связанные веревкой, проходящей по груди и туго затянутой в подмышках, подходим к борту. Сисси поворачивается ко мне и говорит мне прямо в ухо:

– Нам придется нелегко, – она проверяет мою веревку, потуже затягивая узлы побелевшими от напряжения пальцами. – Остальные почти не умеют плавать. Дэвид и Джейкоб еще как-то могут, но Бена и Эпафа придется тащить на буксире. Понял?

Я киваю. Лодка несется со страшной скоростью. На секунду, когда она взлетает над волнами, у меня едва не останавливается сердце.

– На счет «три» прыгаем все вместе! – кричит Сисси. – Запомните, не отпускайте веревку. Гребите ногами, руки не используйте. Не отпускайте веревку. Ясно? Ни в коем случае не отпускайте веревку.

Я смотрю вниз. Под нами беснуются водовороты. Это не сработает: нас унесет течением. Джейкоб прав. Оно слишком сильное.

– Один... – кричит Сисси.

Как только мы ударимся о воду, нас засосет вниз, а потом потянет в разные стороны. В этой холодной черной бездне нас ждет только смерть.

– Два...

Рядом со мной Джейкоб неожиданно застывает, как будто что-то понял.

– Три! – Сисси подгибает колени, готовясь к прыжку. За ней я вижу серые тени остальных, тоже готовящихся прыгать.

Я приседаю, прыгаю...

– СТОЙТЕ! – кричит Джейкоб, отскакивая от борта.

Веревка натягивается, меня тянет назад, я вскрикиваю, а потом падаю на палубу. Спустя мгновение падают и остальные.

– Джейкоб! – кричит Сисси. – Что ты творишь?

– Мы должны пройти водопад! – отвечает он. – Мы должны оставаться на реке!

– О чем ты? – кричит Сисси сквозь дождь, бьющий по лицу.

– Охотники ведь не умеют плавать! – глаза у Джейкоба светятся возбуждением. – Они быстро тонут. Помнишь, что нам рассказывал Ученый? Они паникуют, как только вода доходит им до подбородка. Их парализует от страха, и они тут же тонут.

– И что? – говорит Сисси.

– Сама подумай. Для них водопад – верная смерть. Они не посмеют пойти дальше. Для них это самоубийство. Но для нас не обязательно. Мы умеем плавать. Мы можем пережить водопад. Это как замочная скважина, в которую можем пройти только мы. Это мост к свободе. Поэтому на табличке и написано, чтобы мы оставались на реке.

– Не знаю, – говорит Сисси.

Но Джейкоб не сомневается в своей правоте.

– Думаю, поэтому Ученый и рассказал нам о водопадах. Чтобы приготовить нас к этому. Но помнишь, он всегда описывал их как нечто прекрасное, как врата в рай, – он возбужденно всплескивает руками, и я вспоминаю рисунок, над которым Эпаф вчера работал. Водопад там был очень хорош, настоящий оазис красоты. – Мы должны оставаться на реке, – повторяет Джейкоб, – и спуститься вниз.

– Ты не понимаешь, Джейкоб, – возражает Сисси. – Впереди водопад.

– Я знаю, знаю, знаю, – повторяет он, зажмурившись и сжимая и разжимая кулаки. – Но еще я знаю, что мы не должны покидать реку!

– Что ты несешь?

– *Оставайтесь на реке!* – кричит Джейкоб. – Так написано на табличке! Этого хотел от нас Ученый. Чтобы мы оставались на реке, продолжали спускаться по ней.

– До тех пор пока это разумно! – возражает Сисси. – Там водопад. То, что ты предлагаешь, полное безумие.

– Пожалуйста, Сисси, – Джейкоб умоляюще смотрит на нее. – Давай не отклоняться ни на шаг. Давай делать то, что нам велел Ученый. Останемся на реке и не будем с нее сходить. Это наш путь в Землю Обетованную. К молоку. К меду. К плодам и солнцу. К улицам, по которым ходят другие люди, к стадионам, игровым площадкам, паркам, где играют тысячи детей. Если мы будем слушаться инструкций, мы туда попадем, – он яростно мотает головой, на глаза у него наворачиваются слезы. – Это стоит того, чтобы мы попробовали. Пожалуйста, Сисси.

Сисси закусывает нижнюю губу и смотрит вперед, сосредоточенно наморщив лоб. Потом переводит взгляд на Джейкоба.

– Мы всегда держимся вместе, правда? – говорит она.

– Всегда, Сисси, – отвечает Джейкоб, едва не плача.

– То есть, что бы я ни решила, все со мной согласятся? – спрашивает она.

Джейкоб кивает.

– Ты мне доверяешь?

– Да.

Она делает глубокий вдох:

– Мы уходим с лодки. Сейчас.

Плечи Джейкоба печально опускаются.

Внезапно молния прорезает небо, четко обрисовывая силуэт восточных гор – огромной темной стены, – которые сейчас так близко, что я будто чувствую сладковатый запах секвой. На секунду я вижу реку. Потоки воды мчатся вперед с чудовищной скоростью и целеустремленностью. Река превратилась в чудовище, яростно несущее клочья белой пены прямо к горе. Она не огибает ее, течет не сквозь узкое ущелье, а прямо через сердце тьмы.

Я кладу руку на плечо Сисси и качаю головой:

– Слишком поздно, Сисси. Это верная смерть. Мы утонем.

Она прищуривает глаза, вглядываясь сквозь ветер и дождь, и раздраженно выдвигает челюсть вперед. Она знает, что я прав. Говорить больше нечего. Воды реки смешиваются с ледяным ветром. Мы смотрим вперед, не зная, что нас ждет.

Спустя пять минут дождь неожиданно стихает, становится холоднее. Ночь настолько темна, будто небо залито чернилами. Река ревет, наполняя наши уши грохотом.

Мы куда-то попали. Это пещера, наполненный темнотой тоннель. Внутри восточных гор.

– Я ничего не вижу, ничего не вижу, – бормочет рядом со мной Дэвид. – Мы внутри горы, мы внутри горы, мы как-то попали в гору.

Я закрываю глаза. Открываю. Никакой разницы: темнота непроглядна до такой степени, что от дезориентации я едва не начинаю паниковать. Становится быстрее, мокрее, громче. Рев водопада оглушает.

– Приготовьтесь все! – кричит Сисси. Мы подгибаем колени, соединяем руки, веревка нас связывает. – Опуститесь на одно колено! Подогните одно колено! Приготовьтесь прыгать...

Рев воды заглушает ее голос. Я разгибаю одну ногу, поднимая Бена с собой. На лицо мне падают мелкие брызги. Похоже, осталась всего пара секунд.

– Когда перевалим через край, прыгайте как можно дальше от лодки! – кричу я, не зная, слышат меня или нет. – Сгруппируйтесь, не отпускайте веревку. Как долго бы ни пришлось падать, не отпускайте веревку! – я смотрю по сторонам, пытаюсь понять, слышал ли меня кто-нибудь. Но ничего не вижу. Я чувствую только их напряжение и исходящий волнами страх.

Наконец мы оказываемся у водопада. Его рев оглушает. Я открываю рот, чтобы закричать, но меня покинул даже страх. Лодка наклоняется вперед, и в следующее мгновение мы падаем с утеса. Отвратительное ощущение охватывает нас. Все, чего мне хочется, – это схватить Сисси за руку. Мы в темноте как-то находим друг друга и хватаемся за руки беспорядочным, страстным и по-человечески горячим прикосновением. Вот водопад, а вот его нет, и мы падаем вниз, прямо в пасть тьмы.

Кажется, что падение длится вечность.

7

Мы ударяемся о воду – в тот момент, когда я уже перестал мечтать о встрече с ней, – с такой силой, будто бы упали на асфальт.

Я оказываюсь в серой подводной тьме, среди водоворота пузырьков, звук бьющейся о воду воды заглушает все. Веревка, обвязанная вокруг груди, натягивается как стальной канат, и мою голову отбрасывает назад, чья-то рука ударяет по лицу, кто-то пинает меня. Я не понимаю, где верх и куда плыть.

Следуй за пузырьками, говорю я себе. Все подо мной, я чувствую, что веревка уходит вниз. Я тяну на себе всю цепочку. Наконец, изо всех сил гребя руками и ногами, я вырываюсь на поверхность: жидкая тьма сменяется темной пустотой. Ничего не видно, только смутные черно-серые очертания. Я плыву вперед, в темноту, которая еще чернее, чем все вокруг. Наконец моя рука касается чего-то твердого. Я чувствую, что спасен, хватаюсь обеими руками и подтягиваюсь. Я на камне.

Теперь я оборачиваюсь и тяну на себя веревку. Как по волшебству, один за другим все поднимаются на поверхность: отплеываясь, плача, ругаясь, кашляя.

Живые.

8

Этой ночью мы лежим вповалку на жестком известняке. Мы не знаем, большая эта скала или маленькая; откровенно говоря, нам и не хочется знать. Мы слишком рады тому, что живы и можем вот так лежать, обнявшись, плача от облегчения.

– Подождем до утра, – говорит Сисси. – Подождем, пока рассветет.

Никто ничего не говорит. Ни сейчас, ни в ближайшие несколько часов. Но я знаю, о чем мы все думаем: «Что, если Сисси ошибается? Что, если утром не станет светло? Что, если в этой утробе тьмы утро не приносит избавления от черноты?»

– Ого, – произносит Дэвид, проснувшийся первым.

Оказывается, мы выбрали не на отдельно стоящий камень, а на плато, окружающее озеро под водопадом. Вокруг нас, сквозь невидимые отверстия наверху, спускаются бесчисленные столбы света. Они так четко очерчены, что напоминают настоящие колонны, поддерживающие свод просторной пещеры. Впрочем, «просторной» сказано слишком мягко – она гигантская, чудовищно большая. Столбы света, насколько хватает глаз, высвечивают огромное пространство. Водопад оказывается совсем не таким высоким, как нам казалось, когда мы падали. Он поднимает огромное облако брызг, увлажняющее заросли мхов на нижней стороне нависающих над ним камней. Следов лодки не видно, но наши сумки всплыли на поверхность, и их прибило к берегу озера.

– Посмотрите! – говорит Бен, показывая наверх.

Сталактиты свисают с потолка в сотнях метров над нами, как клыки, солнце окрашивает их в оранжево-красный цвет. Между сталактитами спускаются плети плюща – как куски пищи, застрявшие между зубами. Огромные башни кальцита поднимаются с пола пещеры под разными углами, их основания окружены папоротниками и пальмами. Сталагмиты потоньше вырастают до пятидесяти метров, но больше всего поражают огромные размеры пещеры.

– Здесь можно построить целый город, – кричу я, надеясь, что меня услышат сквозь шум водопада. – С небоскребами в двадцать, тридцать этажей. Целый город, множество кварталов.

Мне не отвечают, никто меня не слышит. Я отхожу подальше от водопада, чтобы меня было лучше слышно. Остальные идут за мной, мы собираемся в одном из огромных световых столбов. Здесь тепло. Солнечный свет делает нашу кожу светлее, заставляет ее светиться.

– Что теперь? – спрашивает Эпаф.

Все поворачиваются к Сисси.

– Посмотрим, где мы оказались.

– Это она? – спрашивает Бен. – Земля Молока и Меда, Плодов и Солнца?

– Надеюсь, что нет, – качает головой Эпаф. – Мерзкое место. Я бы предпочел оказаться в Куполе. Пока я не вижу ни молока, ни меда, ни плодов. Солнце есть, да. Но в Куполе его было больше.

– Вот что мы сделаем, – говорит Сисси. – Разобьемся на две группы. Поищем подсказку, знак, что угодно. Ученый должен был что-то оставить, – она осматривается, а потом идет в глубину пещеры. Бен и Джейкоб следуют за ней.

– Ну ладно, вы двое, – говорит Эпаф Дэвиду и мне. – Пойдем сюда. Смотрите в оба, ребята.

Мы идем в направлении, перпендикулярном тому, в котором ушла Сисси, вдоль берега реки.

Несколько часов спустя наши усилия еще ничем не увенчались. Идти тяжело, под ногами разбросаны камни, как будто специально, чтобы мы подворачивали лодыжки. Мы идем мед-

ленно, стараясь ничего не пропустить, но все равно смотрим в основном под ноги, стараясь избежать камней и скользкого мха. Мы идем, как нам кажется, к выходу из пещеры, но света в конце тоннеля нет – ни в прямом, ни в переносном смысле. Если у него вообще есть этот конец. Река стекает вниз каскадом из трех озер, спуск крутой и ненадежный. Несколько раз нам приходится далеко отклоняться от пути, чтобы обогнуть огромные валуны. Мы часто поскальзываемся на покрытых мхом камнях, бешено размахивая руками, хватаясь за сталагмиты или высокие камни с выщербленной поверхностью. Наконец, мы приходим к стене известняка, покрытой колоннами сталактитов и поросшей водорослями, огромной, как десятиэтажный дом. Река проходит в узкий проем и срывается вниз очередным каскадом. Мы поворачиваем назад, сгуляв от усталости, голода и отчаяния.

По возвращении мы обнаруживаем, что трое остальных сидят в столбе света возле водопада. Судя по опущенным плечам и мрачным лицам, им повезло не больше. Они отдают нам нашу долю обеда, немного ягод. Мы с радостью их проглатываем.

– Вот тебе и страна Молока и Меда, Плодов и Солнца, – говорит Эпаф. – Ни молока, ни меда, ни другой еды. Даже дров нет.

– Надо выбираться наружу, – предлагает Джейкоб. – Идти вдоль реки.

– Мы именно это и сделали, – отвечаю я. – Попытались, во всяком случае. Это дальше и труднее, чем ты думаешь.

– Но это единственный вариант, – говорит Джейкоб, глядя на водопад. – Мы не можем вернуться по своим следам: придется подниматься по краям водопада, а они слишком крутые и скользкие. Остаться здесь тоже нельзя, нам нечего есть. Надо уходить.

– Нет, – возражает Сисси, не поднимая глаз, – мы остаемся здесь.

– Сисси... – начинает Джейкоб.

– Я остаюсь, – огрызается она. – Вы идите, если хотите. Я остаюсь.

Джейкоб вскакивает на ноги, глаза его наполнены обидой:

– Я только хотел...

– Я не спорю с тобой и ни с кем другим! Нам сейчас нужно сделать две вещи, ясно? Найти какой-то знак, оставленный нам Ученым, и не дать Джину умереть. Я достаточно просто объясняю? Вот так сейчас выглядит наша жизнь. Найти знак, защитить Джина. Всего две вещи, ребята.

Мы сидим, не зная, что сказать после такого взрыва. Она встает, тяжело дыша, и отходит подальше, за большую скалу. Я следую за ней. Она стоит скрестив руки на груди и смотрит на водопад.

– Эй, – говорю я как можно мягче и иду в узкий проход между двумя валунами.

Она не отвечает, только закусывает половину нижней губы, отчего вторая половина оттопыривается. Глаза у нее полузакрыты, из одного выкатывается слеза и сползает по щеке. Она не отворачивается, как я ожидал. Сисси поднимает руку – как мне показалось, чтобы смахнуть слезу, – но останавливается у губ. Она прикрывает рот, пальцы дрожат, губы кривятся. Теперь она отворачивается, чтобы я не видел, как она утрачивает над собой контроль. Давление оказалось большим. Забота о наших жизнях – слишком тяжелое бремя для ее плеч.

Я кладу руку ей на плечо. Она не отстраняется, как я этого ожидал, вместо этого подается мне навстречу, округлость ее плеча идеально ложится в мою ладонь. Кожа у нее мягкая, но под ней, в тонком слое мышц и твердости кости чувствуется сила. Она поворачивается и пристально смотрит мне в глаза. Такого отец всегда учил меня избегать. Взгляд в глаза означает, что ты стал предметом чьего-то внимания; постарайся отойти, исчезнуть, отвлечь. Но я не могу отвести взгляд. Никогда не замечал, как красивы ее глаза.

– Мне кажется, я всех подвожу, – произносит она.

– Не говори глупостей. Если б не ты, мы бы все уже погибли, – я двигаюсь ближе, пока не начинаю чувствовать исходящий от нее жар. – Я с тобой, Сисси. Я хочу найти его не меньше, чем ты. Если не больше.

На мгновение в ее глазах появляется мягкость.

Это больше, чем я могу выдержать. Я отвожу взгляд.

Несколько секунд мы молчим, потом она качает головой.

– Мне кажется, мы что-то упускаем, – говорит она, – он что-то оставил. Ключ, знак. Что-то, что у меня под носом, как в наших играх.

Во мне поднимается странная волна ревности. Те же игры. Я думал, он играл только со мной.

– Все в порядке, Сисси? – на другой стороне узкой тропинки показывается Эпаф.

Сисси отходит от меня, пока он протискивается между камнями.

– Все в порядке? – спрашивает он еще раз, пристально глядя на нее.

Сисси быстро вытирает мокрую от слез щеку.

– Нормально, – отвечает она, проходит мимо него и проскальзывает в узкий проход.

Оставшись наедине со мной, Эпаф бросает сердитый взгляд. Я опускаю голову и иду мимо него к остальным.

Когда я возвращаюсь, Сисси уже сидит рядом с Джейкобом и, улыбаясь, ерошит его волосы. Джейкоб смеется.

Мы все слишком устали, чтобы двигаться. Колонны света до сих пор здесь, но непонятно, сколько они продержатся. Проходит час, некоторые засыпают.

Сисси внезапно выпрямляется.

– Какая же я глупая, – говорит она, хлопая себя по лбу.

– Сисси? – окликает ее Эпаф.

Она, не отвечая, идет к водопаду, осторожно ступая по влажному камню вокруг озера. Стобит поскользнуться так близко от водопада, и ее утянет вниз смертельно опасным течением.

Остальные мальчики просыпаются.

– Что она делает? – спрашивает Бен.

Прижавшись к стене сбоку от водопада, Сисси останавливается, а потом делает шаг вперед и исчезает за стеной воды.

– Сисси! – кричит Бен, и в следующее мгновение мы все бежим к водопаду.

Бен вне себя от беспокойства, и остановить его удастся только вдвоем. Мы нервно заглядываем за полотно несущейся вниз воды.

– Смотрите! – показывает Джейкоб на ту сторону водопада, где поток тоньше и разбивается на отдельные струи.

Ее смутно видно за завесой воды. Сначала показываются руки, потом вжатая в плечи, чтобы избежать удара, голова. Когда Сисси появляется целиком, мокрая насквозь, улыбка занимает все ее лицо:

– Вы, ребята, идете или нет?

– Что? – спрашивает Эпаф.

– Ну, не бойся, – дразнит она. – Я нашла там пещеру.

– погоди, Сисси, – говорю я. – Откуда ты знаешь, что нам туда?

– Показалось, – смеется она. – Наверное, потому, что там полно сухой одежды и ведущая наверх веревочная лестница.

В пещере темно. Только один, подернутый дымкой луч света освещает ее. Наша одежда промокла насквозь, и мы начинаем дрожать.

– Кстати, об этой сухой одежде... – говорю я сквозь стучащие зубы.

Сисси улыбается и ведет нас к спрятанной в темноте корзине. Там достаточно одежды самых разных размеров для дюжины человек.

– Как ты догадалась посмотреть за водопадом, – спрашиваю я, пока мы переодеваемся в сухое. Она натягивает пару шерстяных носков.

– Если вы хотите, чтобы охотники точно не нашли проход в Землю Молока и Меда, водопад – это самый надежный замок и засов. Ни один охотник, даже если бы он пережил сам водопад, никогда бы не посмел сюда заглянуть. Ученый, с его умом, как раз такое и придумал бы, – она подмигивает мне. – Теперь только не отставайте, ладно? – улыбается она.

Когда все переоделись, она собирает нас в столбе света и показывает вверх. Сначала я не вижу ничего необычного. Просто луч света, который светит прожектором с потолка, затянутого переплетением лиан. Потом наконец замечаю ее среди спутанных плетей – это веревочная лестница. В том месте, где охотники не подумали бы – или не осмелились, – смотреть. Еще один замок и запор.

Опираясь на сомкнутые в замок пальцы Эпафа, Сисси дотягивается до нижней ступени лестницы, а потом закидывает ноги вверх и, переворачиваясь в воздухе, цепляется коленями за веревку.

Свисая вниз головой, она тянется вниз и подхватывает Бена, сидящего у Эпафа на плечах. Это нелегко, но у Сисси получается втянуть его вверх. Примерно так же мы все взбираемся вверх и начинаем подниматься, не имея ни малейшего представления, сколько продлится подъем и каким трудным он окажется. Если бы мы знали, мы бы поначалу карабкались не так быстро.

Спустя полчаса наше возбуждение спадает, мы начинаем выбиваться из сил. Тесные, похожие на трубу стены все плотнее смыкаются вокруг нас. Нас охватывает душный ужас клаустрофобии. Мне, с моими широкими плечами, приходится особенно нелегко. Локти цепляются за неровные стены, камни царапают даже сами плечи. В такой тесноте нам приходится выкинуть сумки. В одном особенно тесном месте я застреваю. Даже подняв руки над головой, я не способен протиснуться в воронку. Эпафу приходится толкать меня снизу под ягодицы – очень неудобный момент.

Солнечный свет недолго освещает тоннель, всего полчаса, не дольше. Луч поднимается по одной из стен тоннеля: сначала это узкая, изогнутая полоска света, а потом, неожиданно разогнавшись, он взлетает вверх и исчезает. Теперь ничего не видно, нас охватила серая тьма. Похолодало. Странное чувство: холод и сгущающаяся темнота создают впечатление, будто мы опускаемся вглубь земли, а не поднимается к поверхности.

– Сисси, ты видишь выход? – спрашивает снизу Эпаф.

– Все, что я вижу, это светлая точка. Как будто кто-то проколол потолок иглой. Она слишком маленькая, чтобы оценить расстояние, но мне кажется, она еще очень далеко.

Через несколько часов мы делаем остановку, просунув руки и ноги между ступенями лестницы. Руки, кажется, сейчас отвалятся, ладони стерты в кровь. Мы осторожно передаем друг другу оставшиеся ягоды. Бен никак не может унять дрожь в руках.

– Они так и дрожат, – говорит он мне. – Никак не могу заставить их остановиться.

Его локти ободраны до крови.

Наши тела измучены, мы упали духом. Через десять минут мы отправляемся дальше. Проходит пять секунд, и мучительная боль возвращается. Такое чувство, что мы вообще не отдыхали.

9

Наступает ночь. Холодный воздух струится по узкому колодцу вниз. Я чувствую себя больным, нос не дышит. Ото лба пышет жаром, так что лед на стенках колодца плавится и ручейками течет вниз; точно так же течет у меня из носа. Мы разбились на пары: Бен с Сисси наверху, мы с Джейкобом ниже, и Дэвид с Эпафом под нами. Джейкоб храпит напротив меня, с другой стороны лестницы, он привязан веревкой, и мои руки пропущены у него в подмышках. Кроме того, нам не дает упасть тесный колодец.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Сисси. Тишина. – Джин, ты не спишь?

– Нет. Думал, ты Бену.

– Нет, он отключился. Спит, как младенец. Как Джейкоб?

– Заснул. И Эпаф с Дэвидом тоже.

– Хорошо. Они хорошо привязаны?

– Более чем. Я два раза проверил.

– Хорошо, – повторяет она. – Хорошо. – Вербка слегка скрипит от ее движения. – Завтра мы отсюда выберемся.

– Думаешь?

– Уверена, – шепчет она. – Я знаю кое-что, чего ты не знаешь.

– Так скажи мне.

– Снег.

– Да ну. Правда?

– Да. Начал идти минут десять назад. Всего несколько снежинок. Упали мне на лицо, я почувствовала, как они щекочат мне нос. Мы, должно быть, ближе к поверхности, чем нам кажется. Снег обычно проникает не очень глубоко.

– Я ничего не видел.

– Думаю, это я не пропустила его вниз.

– Да, твоя бегемотья задница – то еще препятствие.

– Ха-ха, как смешно.

– Нет, правда. Снизу она кажется такой большой, что вызывает полное и окончательное затмение.

Она молчит.

– Была бы она чуть больше, до нас бы и воздух не доходил, – продолжаю я.

Наконец Сисси не выдерживает.

– Прекрати, – смеется она.

– Да что такого. Твоя задница снизу такая большая, что кажется отдельным человеком.

– Ты смотришь на Джейкоба. Ну прекрати, – тихо хихикает она.

Мы замолкаем, но это приятная тишина. Бен и Эпаф похрапывают в унисон. Дыхание Джейкоба щекочет мне плечо.

– Эй, – через несколько минут шепчет Сисси.

– Да?

– Кажется, нам опять дали свет.

– Уже утро?

– Нет, свет серебристый. Должно быть, луна.

Несколько минут она молчит. Я смотрю наверх, но вижу только темноту.

– Вот теперь его действительно много, – произносит она.

– Снега или света?

– И того, и другого. Погоди. – Вербка слегка колеблется, когда Сисси меняет положение. – Отлично, теперь посмотри вверх и скажи, что ты видишь.

Я вижу очертания ее ног, упирающихся в стену на фоне слабого серебристого свечения, которое просачивается вниз. Через этот маленький проход падают и снежинки. Одна из них приземляется мне на щеку. Я поднимаю руку и чувствую капельку воды. Идут минуты, ко мне падают еще снежинки, медленно кружась, серебристые, как частички луны. С моих плеч словно гора падает. Мир становится больше, медленнее, чище, яснее.

– Слушай, можно кое-что спросить? – спрашивает Сисси. Голос у нее ласковый, как лунный свет.

– Давай.

– Когда на нас напали у реки, один из охотников сказал что-то о девушке...

Я молчу.

– Извини, – говорит она. – Я не хотела лезть не в свое дело.

– Нет, все в порядке. Я просто пытаюсь подобрать слова.

– Мне не надо было, это твое...

– Ее звали Пепельный Июнь. Как и я, она жила в столице, притворившись одной из них, – слова слетают с языка быстро, я слишком долго их сдерживал. – Мы были знакомы много лет, не зная, что так похожи. Узнали только несколько дней назад, когда оказались в Институте. Когда нас раскрыли, она пожертвовала собой, чтобы меня спасти.

– Мне так жаль, Джин. Я не знаю, что сказать.

– Я не хотел ее оставлять. Я пытался за ней вернуться. Но у меня не было выбора. Я ничего не мог сделать. Их было слишком много. Возвращаться было бы самоубийством...

– Это правда, – тихо говорит Сисси. – Ты ничего не мог сделать. Я же тоже была там, Джин, я видела эти толпы, гнавшиеся за нами. Ты сделал единственное, что мог, – убежал.

Джейкоб громко стонет мне в ухо. Я понимаю, что слишком сильно его стиснул, и ослабляю захват.

Спустя несколько очень долгих секунд Сисси мягко произносит:

– Ты ничего не мог сделать, Джин.

– Я знаю.

– Мне правда очень жаль.

После этого мы долго молчим. Вербка поскрипывает и затихает.

– Сисси.

– Да?

– Я хочу тебе кое-что сказать, хорошо?

Пауза.

– О чем? – спрашивает она.

– Об Ученом.

– Продолжай.

– Я кое-что от вас скрыл.

– Кажется, я знаю, что это, – говорит она после небольшой паузы.

– Нет, не думаю. Только не это.

– Он твой отец, правда?

У меня отпадает челюсть и летит до самого дна колодца.

– Откуда ты... что?

– Тссс, остальных разбудишь.

– Он тебе обо мне рассказывал?

– Нет, никогда.

– Тогда откуда ты...

– Я видела, как ты двигаешься. Почти так же, как он. Как ты сидишь на земле, вытянув одну ногу, согнув другую и поставив подбородок на колено. Потом у тебя глаза той же формы и того же цвета. Ты думаешь с таким же выражением лица. Ты даже говоришь так же.

– Остальные что-то заподозрили?

– Ха. Они поняли сразу, как мы тебя увидели.

– Не может быть.

Она усмехается.

– Мы, конечно, жили в изоляции, но это не значит, что мы не видим очевидного. – Она опять двигается, и веревка колыхнется. – Думаешь... он там, наверну?

– На небе?

– Нет там, в конце тоннеля, куда бы он ни вел.

– Хорошо бы. Для меня нет ничего важнее, чем найти его... – я умолкаю, пораженный собственными словами. Но это правда. С того самого момента, как я увидел свое имя на том камне, я почти ни о чем другом не могу думать. – Я дойду до самого края земли, чтобы найти его, Сисси.

Она молчит, будто ждет, что я продолжу.

– Можешь кое-что мне рассказать? – спрашивает она.

– О чем?

– Как это было? Как вы жили? – неуверенно спрашивает она. – У тебя были братья или сестры? Твоя мать была жива? Вы были счастливой семьей? Расскажи, как вы жили среди этих чудовищ.

Минуту я молчу.

– Сестра и мать умерли, когда я был маленьким. Однажды утром они ушли вместе с отцом, а вернулся он один. Их съели. Об этом говорили и годы спустя. О том, как на закате тут прямо посреди города чудом возникла девочка-гепер с матерью. Рассказывали, что девочку сбил экипаж и ей переломало ноги, а мать по глупости осталась рядом. Когда толпа набросилась на них, мать накрыла девочку своим телом. Все было кончено за несколько секунд.

Веревка скрипит.

– Мне так жаль, Джин. Не будем больше об этом говорить.

Мне кажется, что разговор закончен, но неожиданно для себя я заговариваю снова. Сначала сбивчиво и неуверенно, слово, два слова, предложение. Потом словно что-то переключается, слова разгоняются, мысли и воспоминания льются потоком. Мне уже не кажется, что я выталкиваю слова из себя, они выходят сами, это как исповедь, катарсис. Когда я заканчиваю говорить, Сисси молчит. Я боюсь, что она заснула, но слышу ее шепот:

– Жаль, я не могу взять тебя за руку.

Снежинки медленно пролетают мимо меня и исчезают в темноте под ногами.

10

Сисси права. На следующий день мы поднимаемся на поверхность. Выход из вертикального тоннеля оказывается совсем близко. Руки и ноги замерзли и затекли, но льющийся на нас свет согревает и словно смазывает наши суставы теплым маслом. Скоро мы забываем о мозолях на ладонях и кровоточащих пальцах, сосредоточившись на том, чтобы дотянуться до следующей ступени. А потом до следующей. До тех пор пока мы, как новорожденные младенцы, не вырываемся из темной трубы на свет, жадно хватая холодный горный воздух и щурясь от яркого солнца. Мы оказались в зеленой долине. Со всех сторон вздымаются, как узловатые пальцы, отвесные гранитные утесы. Легкая дымка висит над землей, окутывая окружающие деревья; они выступают из тумана как стражи, пришедшие нас приветствовать. Или сказать, чтобы мы убрались.

Над нами вздымается огромный пик. Высокий, гордый, со скалистыми, изрытыми дождем и снегом склонами, он как будто зло щурится на яркое солнце. Или на нас, идущих по его широким плечам. Где-то посреди склона из отвесной скалы вырывается водопад и хрустальной лентой падает на тысячу метров вниз, рассыпаясь облаком брызг. В дымке виднеется радуга.

Мы оказываемся на открытом месте, и холод впивается в наши тела, пронзая до костей. Ветер несильный, но проникает сквозь одежду и кожу, идя прямо к ребрам. Меня сотрясает приступ кашля, и я складываюсь пополам, мокрота разрывает горло и бронхи. Я касаюсь лба. Он горячий, как расплавленное железо. Кажется, что от него может загореться одежда. Земля под ногами наклоняется, движется, гора и небо крутятся вокруг меня, как будто меня подхватила моя собственная маленькая лавина.

– В лес, – говорю я, – подальше от этого ветра.

– погоди, – говорит Сисси, опускается на колени у входа в тоннель и начинает осматривать его края.

– Что ты делаешь? – спрашивает Бен.

– Вот там, посмотрите, – говорит она, указывая на место, где трава примята. – Кто бы ни пользовался этим тоннелем, он приходил оттуда и уходил туда. Думаю, нам надо пойти через лес в эту сторону.

Лес оказывается средоточием тепла. Ветер затихает, стоит нам оказаться среди деревьев. От запаха смолы, похожего на аромат карамели с ванилью, у нас урчат животы. Приходится немного поблуждать, прежде чем мы находим слабые, почти незаметные следы тропинки. Мы идем по ней, и с каждым шагом наш азарт и возбуждение растут.

Но через пятнадцать минут мы все останавливаемся отдышаться, прижимаясь к поросшим лишайником деревьям. Мы не привыкли к разреженному горному воздуху. На ветку над нами садится сойка и, разглядывая нас, крутит головой, как автомат. Она окликает нас скрипучим, насмешливым криком, как будто ругает за слабость.

Отдохнув, мы идем дальше, но уже на более разумной скорости. Через двадцать минут мы вновь останавливаемся.

– Тропа исчезла, – обеспокоенно говорит Сисси.

– Нам надо расположиться на ночь, да? Разжечь огонь? – спрашивает Эпаф, стуча зубами.

– Надо торопиться, – отвечает она. – Этот холод не шутка.

– Мы с тобой пойдем за дровами. Бен и Джин пусть остаются здесь.

– Нет, – обрывает его Сисси. – Все будем делать вместе. Не будем разделяться. Ни на секунду. Всем ясно? Этот лес хочет нас разделить, я это чувствую.

Не она одна. Мы идем дальше тесной группой, время от времени задевая друг друга руками и сталкиваясь плечами. Но мы не против.

А потом, как раз в тот момент, когда лес готов превратиться в непроглядную черную тьму, мы оказываемся на опушке. Стена деревьев и темнота расступаются. На дальней стороне луга земля обрывается отвесной скалой. С того места, где мы стоим, я вижу поля и ледниковые озера в долине внизу. Но мои глаза быстро отвлекает что-то другое.

Посреди луга, купаясь в солнечных лучах, стоит бревенчатый домик.

11

Окна домика закрыты ставнями, черные панели плотно подогнаны к оконным рамам. Выкрашенная черным дверь закрыта так плотно, что кажется герметичной.

Сисси выходит на открытое пространство, ее обувь ступает по пушистому свежему снегу.

– Сисси! – шепчет Эпаф.

Она оборачивается и жестом заставляет нас остановиться. Мальчики отходят обратно в лес, а я подбегаю к ней.

– Неправильный способ, – шепчу я.

Она останавливается:

– То есть?

– Не подходи к двери...

– Перестань. Ты же не думаешь, что я собиралась постучать.

– Не поднимайся на крыльцо, оно, скорее всего, заскрипит. – Она не отвечает, но я знаю, что она меня слышит. – Я зайду справа, ты слева. Если через пять минут мы ничего не услышим, встретимся за домом. К двери пойдем, только если сзади все чисто.

Она кивает и отправляется влево.

Снег покрыт толстым настом, и я очень осторожно ступаю по нему. Подойдя к боковой стене дома, я скольжу поближе, чтобы проверить окна. Подождав, я прикладываю ухо к ставням. Ни звука.

Кажется, дом пуст.

Спустя пять минут ожидания я тихо перехожу к задней стене. Сисси уже там, прижимается ухом к окну. Она вскидывает руки и отрицательно мотает головой. *Внутри никого нет.* Она вопросительно поднимает брови. *Зайдем?*

Крыльцо скрипит под нашим весом, хотя мы и стараемся ступать как можно легче. Сисси подходит к двери и берется за ручку; сначала она отдергивает пальцы от ледяного металла, но тут же хватается снова. Ручка поворачивается, и дверь распахивается без единого скрипа.

Мы входим внутрь, быстро закрывая за собой дверь. Лучше не давать свету попасть внутрь: не будить лихо, если оно тут есть. Мы оказываемся в темном, узком коридоре и останавливаемся ненадолго, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Мы ждем звуков, которых нам не хочется слышать: щелчков, шипения, царапанья. Но здесь только тишина.

Очертания предметов проявляются постепенно. Мы на цыпочках заходим в комнату слева, половицы скрипят у нас под ногами. Сначала мы смотрим на потолок, готовясь бежать при первом намеке на то, что там кто-то спит. Но нет ничего, кроме балок. Комната пуста, за исключением чистого стола и большого шкафа.

Мы идем в комнату напротив. Здесь тоже нет никаких тел, висящих вниз головой с потолка. В углу стоит деревянный табурет, его круглое сиденье смотрит на нас, как раскрытый глаз. Эта комната кажется ветхой: здесь нет другой мебели и пахнет плесенью. Балки наверху кажутся странно зловещими. *Здесь произошло что-то плохое*, думаю я, и вздрагиваю. Мы выскальзываем обратно.

Осталась последняя комната, в дальнем конце коридора. Сисси опережает меня на два шага. Зайдя в комнату, она оборачивается, и ее лицо озаряется надеждой.

Это кровать. Тонкий матрас на узкой раме. Небольшое покрывало лежит на подушке, как сброшенная змеиная кожа. Я подхожу к окнам и нахожу рычаг, открывающий ставни. Они с шумом уезжают вверх. Внутрь врывается дневной свет, ярче, чем я когда-либо видел, даже несмотря на то, что небо полностью затянуто тучами. Теперь я вижу странное устройство, висящее на дальней стене комнаты. Оно выглядит как огромный воздушный змей, как чудовищный мотылек, прибитый к дереву.

Сисси стоит у кровати, рассматривая матрас.

– Что думаешь? – спрашиваю я.

– Думаю, сюда уже давно никто не заходил, – она принюхивается, стараясь учуять оставшиеся в комнате запахи. – Переночуем здесь. Поймаем какую-нибудь дичь, разожжем огонь, восстановим наши силы, выспимся. А когда проснемся, посмотрим, сможем ли мы еще что-нибудь найти.

– Что, если это она? Страна Молока и Меда?

Сисси подходит к окну и смотрит наружу:

– Значит, так и есть.

Я перевожу взгляд на кровать:

– Тогда где *он*?

12

Позже, ночью, все устроились в спальне: мальчики на матрасе, прижавшись друг к другу, Сисси – свернувшись в деревянном кресле. Я прохожу по коридору в одну из других комнат. За ужином – парой изжаренных над очагом сурков – мы поспорили, стоит ли закрывать на ночь ставни. В конце концов, все ещё напуганные тесным и темным тоннелем, мы решили рискнуть и оставить их открытыми. Я этому рад. Зимний пейзаж, залитый серебристым светом луны, успокаивает мои расшатанные нервы. Даже нависающий пик излучает царственное спокойствие.

Я поплотнее запахируюсь в парку, наслаждаясь теплом. Она лежала вместе с другими вещами в деревянном сундуке, который Бен обнаружил под кроватью. Мы все приветствовали находку криками радости, когда увидели подбитые кроличьим мехом куртки, шарфы, шерстяные носки и теплые перчатки, а еще – странный жилет, сверху донизу увешанный карабинами.

Дом постоянно поскрипывает – деревянные балки сокращаются от холода. Этот звук – временами очень громкий – напугал Бена, когда он ложился.

Я все еще слышу слова Сисси: «Все в порядке, Бен. Все хорошо».

Возможно, она права. Возможно, мы пришли. Возможно, это конец нашего путешествия, пункт назначения, Земля Обетованная. Этот домик, это заснеженное поле, эта гора. И теперь в любой момент из леса может выйти отец. Он зайдет в этот домик...

В коридоре раздаются шаги. Я вздрагиваю и разворачиваюсь, задевая рукой необструганный подоконник. Укол боли, я отдергиваю руку. На пальце выступают теплые бусинки крови.

Это Эпаф. Он сонно заглядывает в комнату, лунный свет бьет в его лицо. Я стою в тени, он не видит меня, и на его лице читается недоумение. Он уже собирается развернуться и выйти из комнаты, когда замечает что-то за окном. Он меняется в лице, бледнеет и падает на корточки.

– Эпаф? – говорю я, выходя из тени.

Он подскакивает при звуках моего голоса, но, вместо того чтобы отругать, прижимает к губам указательный палец, а потом кивает в направлении окна. Я, стараясь не выпрямляться, подхожу к нему. Снаружи кто-то стоит. Тонкая темная фигурка на фоне белого снега. Девушка. Она смотрит прямо на нас.

13

Она так же неподвижна, как и мы.

Совсем юная, на мой взгляд – не больше тринадцати или четырнадцати. С коротко остриженными светлыми, почти белыми, волосами и хрупкой фигуркой, она кажется лесным духом. На ее шее черный, как вороново крыло, шарф. Она не двигается, только переводит взгляд с Эпафа на меня и обратно.

– Не делай резких движений, – говорю я Эпафу, стараясь не шевелить губами.

– Надо закрыть ставни.

– Нет времени. Она добежит до нас за две секунды, если дать ей повод.

Мы стоим совершенно неподвижно.

– Что дальше? – спрашивает Эпаф.

– Не знаю.

Она делает шаг к нам. Останавливается. Медленно поднимает руку, указывая прямо на меня, а потом опускает ее снова.

– Я пойду к ней, – говорю я.

– Нет!

– Придется. От этого домика столько же защиты, сколько от бумажного фонарика. Если она захочет до нас добраться, она это сделает.

– Нет...

– Она не знает, кто мы. Иначе бы уже была здесь. Я выйду, заманю ее к нам, а потом мы все на нее набросимся.

– Это не...

– Другого плана у нас все равно нет. Иди разбуди Сисси. Только тихо.

Я выхожу в дверь.

Я всю жизнь прожил среди них. Я выучил их поведение, могу его копировать до малейших подробностей. Выходя на крыльцо, я стараюсь оставаться как можно более спокойным, не показывать ни малейших признаков страха. Я застываю на мгновение, прежде чем выйти из тени в круг лунного света, полуприкрыв для надежности глаза. Я стараюсь шагать плавно, плыть сквозь снег, не разбрасывая его. Слежу, чтобы мое лицо ничего не выражало. Руки висят по сторонам, не двигаясь.

И тут я вспоминаю.

У меня рука в крови.

Девушка дергается и смотрит на меня с жарким интересом. Она сгибает руки, склоняет голову набок, прищуривает глаза, а потом широко распахивает их. Делает шаг ко мне, потом еще один и еще и начинает перебирать ногами так быстро, что их перестает быть видно. Она бежит ко мне, широко улыбаясь и легко прорезая снег. Несется сквозь ночной воздух с неотвратимостью проклятия.

Я готовлюсь к ее броску. Она кинется мне на шею. Они всегда сначала вцепляются в шею.

Позади, из открытой двери, до меня доносится крик Эпафа:

– Сисси, просыпайся, просыпайся!

Кажется, он дальше, чем звезды над головой. А девушка...

Что-то не то.

Она все еще бежит. Не пробежала даже половины расстояния, но бежит только на ногах, а не на четвереньках. Ее грудь тяжело вздымается, а ноги поднимают фонтанчики снега.

Тут я понимаю. Я изучаю ее, и мои предположения подтверждаются. Но не до конца. Одна последняя проверка. Все или ничего: я поднимаю вверх перепачканный кровью палец.

Она бросает взгляд на мою руку, задерживая его на одну бесконечную долю секунды. А затем спокойно переводит глаза на мое лицо.

Она не одна из них, она одна из нас.

– Эй! – кричу я ей, не зная, что говорить. – Эй!

Она все еще бежит ко мне. И тут я слышу сзади, все ближе, скрип половиц.

Я разворачиваюсь, высоко вскинув руки. Сисси бежит по коридору, я вижу ее тень. Рука поднята, в ней блестит, готовясь взлететь, кинжал.

– Сисси, стой!

Поздно. Она подбегает к порогу, ставит одну ногу на крыльцо и кидает кинжал. Я стою прямо на пути, и ей приходится бросать клинок в сторону, по дуге.

Я не медлю – нет времени. Изогнутая траектория дала мне три секунды. Я прыгаю вперед и несусь к девушке. Она ко мне – я к ней. Жужжание затихает, затем снова становится громче.

Это кинжал. Он летит к ней. К нам.

Я кидаюсь на девушку, одной рукой хватая ее поперек груди. Мы валимся в снег. В то же мгновение кинжал пролетает над нами.

Я не трачу время:

– Сисси! Нет!

Сисси уже закидывает руку назад, держа еще один кинжал.

– Она, как мы! *Она, как мы!* – воплю я.

Кинжал застывает в поднятой над головой руке Сисси, потом рука медленно опускается. Мальчики выбегают из темноты. Я вижу их широко распахнутые глаза и недоуменно наморщенные лбы.

Девушка поднимается, отряхивается от снега.

– Где Источник? – она смотрит на меня, на остальных. Глаза у нее ледяного голубого цвета, в них нет ни капли тепла.

Мы смотрим на нее в ответ, не зная, что сказать.

– Где Источник, где Источник?

Наконец после минутного молчания Бен говорит:

– О чем ты?

Теперь ее очередь непонимающе смотреть на нас.

– Источник, у вас должен быть Источник.

В конце концов Бен задает вопрос, который всех нас мучает:

– Кто ты?

14

Только когда мы возвращаемся в дом и встаем вокруг стола, она отвечает на вопрос.

– Клэр, – говорит она. – Четыре буквы.

Сисси рассматривает ее, даже не пытаясь скрыть недоверие.

– Ты живешь здесь? – спрашивает она. – Это твой дом?

Девушка мотает головой.

– Не, нетушки, – говорит она.

Мы все непонимающе на нее смотрим.

– Извини? – переспрашивает Сисси.

Но Клэр не обращает на нее внимания и поворачивается ко мне:

– Вы принесли Источник?

– О чем ты? – не понимаю я. – Что это за Источник?

Ее маленький подбородок вздрагивает. Она моргает, выбегает из комнаты в коридор, лихорадочно осматривается и бежит в спальню. К тому моменту, как мы ее догоняем, она уже перевернула сумку Эпафа, вывалив на кровать альбом и всю его одежду.

– Ты что себя позволяешь? – резко спрашивает Сисси, вырывая сумку у нее из рук.

– Скажи, где Источник! – требует девушка.

– Мы не знаем, о чем ты говоришь, – отвечает Эпаф.

– Знаете! Крагмэн сказал, что вы придете. Он сказал, что вы принесете Источник.

– Кто сказал? – спрашивает Эпаф. – Кто этот Крагмэн?

Они продолжают засыпать девушку вопросами. Они, но не я. Я чувствую, как у меня перехватывает горло, хватаю с кровати альбом, пролистываю его до страницы с портретом отца и сую в лицо девушке.

– Это он? – кричу я. Все замолкают и поворачиваются ко мне. – Это Крагмэн?

Клэр опускает взгляд на портрет, и я вижу по глазам, что она его узнала. Но отвечает она только:

– Нет, это не он.

Мне становится грустно.

– Этот человек, который тебе о нас рассказал, – спрашивает Сисси, – этот Крагмэн, он живет здесь?

Девушка мотает головой:

– Нет, он живет далеко отсюда.

– Тогда отведи нас к нему, – говорю я.

– Сначала покажите мне Источник, – голос у нее мягкий и высокий, как у лесного духа, но я слышу в нем нотки упрямства, – тогда я вас к нему отведу.

– Сначала отведи нас, – возражаю я, – а потом мы покажем тебе Источник.

Бен смотрит на меня вопросительно.

– Хорошо, – отвечает Клэр, подумав, но в глазах у нее по-прежнему светится подозрение. – Отправимся на рассвете.

– Не, нетушки, – отвечаю я. – Мы отправимся сейчас.

Клэр пристально рассматривает мое лицо. Я вижу, что ее внимательный взгляд скрывает какие-то неясные мысли. На долю секунды в ее глазах вспыхивает что-то, похожее на узнавание.

– Ладно. Собирайтесь. Это далеко.

Мы идем за ней, терзаясь множеством вопросов, но утомительный путь и необходимость не отставать делают все разговоры невозможными. Я понимаю, почему она хотела дождаться

рассвета. Путь занимает намного больше времени, чем я ожидал. Мы идем в темноте вдоль журчащего ручья и выходим из леса. Наш путь лежит вверх, мы оставляем деревья далеко внизу и пересекаем кажущееся бесконечным поле голого гранита. Много часов мы пробираемся по этим каменным волнам, гладкая поверхность которых блестит в лунном свете, как множество лысых голов. Вид здесь, наверху, потрясающий: водопады срываются с отвесных утесов, густой хвойный лес устилает дно долины. Но я слишком измучен, чтобы наслаждаться видами. И слишком болен. Температура туманит голову, мне жарко, и при этом я дрожу от ледяного ветра. Высота меня тоже не щадит, вызывая дурноту и головокружение.

Дорога упирается в отвесный горный склон. В граните укреплены металлические тросы, по ним мы и забираемся наверх. На середине пути мы останавливаемся перевести дыхание. С головокружительной высоты я вижу далеко внизу блестящую, как серебряная нить, реку Нид. Она выглядит такой маленькой и безобидной. Мы продвигаемся дальше и оказываемся на вершине уже совершенно измученными. Клэр все нипочем; она нетерпеливо переминается с ноги на ногу, пока мы судорожно глотаем воздух. Она пинает подвернувшиеся под ноги камни, то и дело кидая взгляд на наши сумки. Очевидно, она пытается высмотреть Источник, что бы это ни было.

В конце концов на рассвете, когда наши ноги от долгого спуска уже окончательно утрачивают чувствительность, Клэр неожиданно резко сворачивает влево и протискивается в узкую щель между двумя камнями. Когда мы, следуя за ней, выходим с другой стороны, то словно оказываемся на другой планете.

Вместо безжалостного ветра горного склона нас встречает тишина хвойного леса. Мы радостно вступаем под его полог, на зеленую траву, где между гордыми колоннами секвой то тут, то там виднеются хризантемы. Легкое журчание становится громче, и мы наконец подходим к его источнику – горному ручью. Клэр предлагает нам напиться. Вода удивительная: сладкая и хрустально свежая. Утолив жажду, мы идем вперед веселее и продвигаемся куда быстрее, чем раньше.

– Почти пришли, – говорит Клэр.

Теперь лес пронизывают солнечные лучи, выхватывая все новые формы и тени. Все здесь пропитано теплом и светом. Птицы, невидимые с земли, щебечут в кронах деревьев над нами. Свернув в очередной раз, Клэр складывает ладони рупором и издает переливчатый крик. Мы такого раньше никогда не слышали. Бен смотрит на нее во все глаза.

– Я предупреждаю Миссию, – поясняет Клэр. – Они должны знать, что я вас нашла.

И тут лес неожиданно заканчивается. Мы замираем на месте.

Над нами вздымается стена крепости, высотой в несколько этажей. Она построена из огромных валунов, соединенных массой бетона, камней и древесных стволов. Солнце поднимается над окружающими вершинами, и плачевное состояние крепости становится очевидным. Только угловую башню, облицованную гладкими темными листами железа, с длинным огибающим окном, поддерживают в порядке. В окне горит свет.

– Это кабинет Крагмэна, – указывает Клэр.

Клэр ведет нас к раскрытым воротам – двум огромным листам металла, в шесть дюймов толщиной и высотой в три человеческих роста. Судя по ржавчине на рельсах, по которым они должны ходить, ворота давно не закрывали. Скорее всего, не один год. Клэр снова подносит руки ко рту и испускает очередной переливчатый вопль.

Мы проходим через ворота и оказываемся в крепости.

– Ого, – произносит Бен тихо, как будто боится спугнуть видение.

Внутри оказывается целая деревня. Рассветное солнце освещает ее, окрашивая сияющим красным цветом домики с соломенными крышами. Согретые ревущими внутри очагами, они

кажутся уютными, как подушки. Из высоких декоративных труб спокойно струится дымок. В домике поблизости открывается окно. В нем появляется лицо, за ним тут же еще одно.

Перед нами струится ручей с прозрачной, как хрусталь, водой. Над ним перекинут вымощенный галькой мост, камни которого блестят в рассветном солнце, как приветливо подмигивающие глаза.

Открывается еще больше окон, в них высовываются большие и маленькие головы. Распахиваются двери, и на улицу высыпает люди. Бен хватается Сисси за руку.

– Сисси? – шепчет он в радостном потрясении.

Она улыбается:

– Теперь все будет хорошо.

Люди выбегают на улицы, как стая золотых рыбок, в одеждах ярких веселых цветов. Они не торопятся, но идут к нам, странно переваливаясь с ноги на ногу. Я вижу, как сверкают их глаза.

– Много вас здесь? – спрашивает Эпаф.

– Пара сотен, – отвечает Клэр.

Мы останавливаемся у мостика. На другой стороне это же делает толпа местных. Мы смотрим друг на друга. Лица у них здоровые, с полными щеками, от которых идет сонное тепло: многие еще в пижамах и не успели расчесаться.

Из толпы выступает крупный мужчина, с округлым, колышущимся животом. Мое сердце замирает – но только на секунду. Нет, этот огромный человек не может быть моим отцом. Он некоторое время нас рассматривает, а потом откидывается назад, прижав согнутые руки к бокам, и разражается хохотом, громким и полным жизни. Он идет к нам, и его фигура по мере приближения кажется все огромнее. На полпути, у верхней точки моста, он, широко улыбаясь, распаивает объятия.

– Добро пожаловать в Миссию, – произносит он низким звучным голосом. – Мы вас ожидали.

Он отступает на несколько шагов. Его присутствие действительно подавляет, харизма льется из него дождем. Его огромный силуэт заслоняет восходящее солнце, становится холоднее, но только на секунду – он быстро отходит, как будто понимает это. Его улыбка блекнет, и он переводит взгляд с одного на другого, очевидно пытаясь понять, кто лидер. Его глаза, не останавливаясь на Сисси, переходят с Эпафа на меня. Он задерживает взгляд на мне, потом опять смотрит на Эпафа, наконец поворачивается ко мне и снова улыбается до ушей.

– Меня зовут Крагмэн. Очень рад знакомству. Не могу описать, в каком я восторге от нашего знакомства! – он протягивает мне руку, и моя ладонь полностью исчезает в ней. Рука у него мощная, массивная, но с мягкой и гладкой, как у женщины, кожей.

– Пойдемте? – он отходит в сторону и медленно поднимает руку, указывая направление.

Мост изгибается под нами, как радуга, и ведет нас в море улыбок.

Сначала мы ступаем на мост осторожно, но радостное настроение и желание узнать, что же нас ждет, возрастает. Сисси и мальчики выросли в Куполе и никогда раньше не оказывались в толпе, поэтому они напряженно останавливаются на верхней точке моста. Отсюда мы можем чувствовать запахи еды – каких никогда раньше не ощущали. В животе у нас урчит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.